

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения

Н.В. Гоголь
и славянские литературы

Тезисы
международной научной конференции
10–11 ноября 2009 г.

Москва
2009

Издание осуществлено в рамках реализации проекта «*Роль русско-славянских связей в становлении, развитии, консолидации и дифференциации славянских литератур*» по **Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей»**.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Л. Н. Будагова (отв. ред.), Н. С. Осипова, Ю. А. Созина

Н. В. Гоголь и славянские литературы: Тезисы международной научной конференции: 10–11 ноября 2009 г. / Отв. редактор Л. Н. Будагова. – М.: ИСл РАН, 2009. – 100 с.

ISBN 5-7576-0208-2

Сборник содержит тезисы докладов международной научной конференции «*Н. В. Гоголь и славянские литературы*», организуемой Центром истории славянских литератур Института славяноведения Российской академии наук и посвященной 200-летию со дня рождения Николая Васильевича Гоголя.

Современник национального возрождения славян, Н. В. Гоголь сыграл выдающуюся роль в судьбе славянских литератур. Его талант прозаика, драматурга, поэта, сатирика и лирика, романтика и реалиста помогал формированию в них художественных направлений и жанров, вдохновлял на создание героев и персонажей, ставших нарицательными, способствовал повышению художественного мастерства.

В докладах рассматривается круг вопросов, связанных с восприятием творчества Н. В. Гоголя в славянской культурной среде XIX–XXI вв., с разнообразием его влияний, а также с отношением самого Гоголя к устному и письменному творчеству славян. Особое внимание уделено вопросу национальной идентификации писателя.

ISBN 5-7576-0208-2

© ИСл РАН, 2009.

От организаторов конференции

Юбилей каждого выдающегося писателя – не просто праздник культуры, а повод заново, с позиций современности, оценить наследие юбиляра, его вклад в мировое искусство и звучность сегодняшнему дню.

Долгие годы, практически весь советский период, творчество Н. В. Гоголя рассматривалось сквозь призму взглядов на него русских революционных демократов, в первую очередь – «неистового Виссариона». Белинский первым оценил выдающийся талант писателя, не жалея в его адрес восторженных слов. Он же подверг остракизму его «Выбранные места из переписки с друзьями», нанеся их автору душевную рану. Время, как говорят, всё расставляет по своим местам. Но для этого должно быть подходящее время: не каждое годится для объективных оценок. К счастью, наша современность позволяет понять, где прав, а где неправ был критик в суждениях о Гоголе, что из его взглядов не утратило актуальности и помогает решать какие-то наиболее болезненные проблемы, а что безнадежно устарело и нуждается в опровержении или просто в забвении. Ответам на эти вопросы способствует и наша конференция.

Остановимся всего лишь на трёх моментах из взглядов Белинского на Гоголя. Они связаны с национальной идентификацией творчества Гоголя, с прогнозами восприятия его произведений в нерусской среде и с отношением к «Выбранным местам...».

Мнение Белинского о Гоголе как «великом таланте, гениальном поэте и *первом* писателе современной России», как «русском национальном поэте во всем пространстве этого слова»¹ обретает особую актуальность в контексте современных попыток объявить Гоголя украинским писателем. Принадлежность Гоголя к рус-

¹ Белинский В. Г. Похождения Чичикова, или Мертвые души (1842) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. 6. М., 1955. С. 214, 219.

ской литературе, в которую его происхождение внесло свои мелодии и краски, открыв России и миру поэзию Украины, – это истина, не требующая доказательств.

Однако подчеркиваемая Белинским «русскость» Гоголя, которую тогда никто и не оспаривал, помешала критику верно предсказать судьбу гоголевских произведений (как, впрочем, и пушкинских) в нерусской среде. «...Гоголь великий русский поэт, не более. “Мёртвые души” его – тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. Такова, пока, судьба всех русских поэтов; такова судьба и Пушкина <...> Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанционального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано»².

Прогноз Белинского полностью опровергла судьба гоголевского (и пушкинского) наследия в мировой культуре, что найдет подтверждения и в докладах участников нашего собрания. И Пушкин, и Гоголь – одни из самых переводимых русских писателей XIX в. Национальный колорит придавал их произведениям особую привлекательность и уникальность, не мешая затрагивать общечеловеческие проблемы.

По-новому сейчас воспринимаются и «Выбранные места из переписки с друзьями», так разгневавшие неистового Виссариона. Они плод не реакционности и ретроградства их автора, а неистовой любви к России и ответственности за неё. Он выражал свой патриотизм с такой же страстью, с какой Белинский отказывал ему в праве на это чувство. Можно сказать, что в историческом споре двух «неистовств» сейчас очевидна победа Гоголя.

Л. Н. Будагова

² Белинский В. Г. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души» // Белинский В. Г. Полное собрание... Т. 6. С. 259.

Н. В. Гоголь и чешская сатира межвоенного периода (Иржи Гауссманн)

Вклад Н. В. Гоголя в русскую и мировую литературу огромен и неоспорим, особенно сильно его воздействие на славянские литературы, в том числе на чешскую. Большое влияние Гоголь, как уже доказано исследователями³, оказал на развитие чешского реализма в лице Я. Неруды. Значительно слабее изучено воздействие Гоголя на чешскую литературу межвоенного периода, в частности на творчество чешского сатирика И. Гауссманна (1898–1923).

Первая мировая война, создание независимой Чехословакии и разочарование в ней, революционные события в России, превращение Праги в центр послереволюционной русской эмиграции, сохранение на тот момент славянофильских веяний на фоне роста социального протеста в новом государстве – все это, и не только, поддерживало устойчивый интерес к русской литературе, а в свете специфики чешской литературы (с её богатой сатирической традицией), конечно, и к Гоголю. В первые годы существования Чехословацкой республики молодые русские революционные авторы ещё не были достаточно известны широкому кругу чешских читателей и интерес к русской литературе удовлетворялся доступной классикой XIX в. Кроме того, чешская сатира, питаемая остро критическим отношением к современной реальности, находится в это время на подъеме, произведения Гашека и братьев Чапеков пользуются большой популярностью. В первые годы существования независимой Чехословакии переводы Гоголя издаются очень активно. В 1920 г. – трижды издается повесть

³ Например, в работах: *Никольский С. В., Соловьёва А. П.* Гоголь и становление реализма в чешской литературе // Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1952; *Соловьёва А. П.* Ян Неруда и утверждение реализма в чешской литературе. М., 1975.

«Нос» и дважды «Ревизор», переизданный к тому же ещё в 1925 и 1926 гг. До этого Гоголя последний раз издавали в 1909 г. Выбор этих произведений издателями показывает их актуальность в условиях формирующейся политической системы молодого государства.

Наследие крупного чешского сатирика Иржи Гауссмана невелико: роман-антиутопия («Фабричное производство добродетели», 1922), сборник рассказов и несколько сборников стихов. Умер он от туберкулеза ещё очень молодым человеком, но его вклад в чешскую литературу оказался весьма значительным. Его яркий талант проявился, прежде всего, в едкой политической сатире. В романе «Фабричное производство добродетели» болеющий за молодое государство автор изобразил некую утопическую страну с якобы идеальной политической системой, в которой угадывается современная Чехословакия. Саркастически высмеиваются правительство, все политические партии, крупные капиталисты, дипломаты, печатные издания и многое другое. Роман фактически был пародией на современную автору общественную жизнь. Интересно, что в нем просматривается и влияния Гоголя.

Ещё в гимназические годы Гауссманн предпринял попытку исследования русской литературы – «Краткий обзор истории русской литературы, в особенности романа в Новейшую эпоху»⁴. Он выделил славянофильское и западническое направления, назвал их представителей. Его особое внимание привлекли Гоголь, Тургенев и Салтыков-Щедрин, влияние Гоголя на которого было специально отмечено юным автором. Гауссманн восхищался тем, как «беспощадная сатира» «бичует разные явления общественной жизни, произвол, лицемерие, лживость, глупость и т. д.». Известно, что на полке Гауссмана стояли «Мёртвые души» (на немецком языке) и «Господа Головлёвы», что он читал «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина, а также комедию «Ревизор» и «Вечера на хуторе

⁴ Выдержки опубл. в кн.: *Pešta P. Satirik převratu Jiří Hausmann. Brno, 1999. С. 16–17.*

близ Диканьки» Гоголя. Влияние «Ревизора» ощущается уже на первых страницах его романа. Гауссманн не прорисовывает образы так же подробно, как Гоголь, он даёт более широкую панораму общественной жизни, но порой одним своим мазком достигает «гоголевского» эффекта. Вот как, к примеру, описывается профессор, обивающий пороги учреждений, чтобы чиновники обратили внимание на его изобретение: «мужчина неряшливой, очевидно, профессорской наружности». А вот с каким ужасом реагирует чиновник, которому профессор предлагает испробовать на себе вещество, внушившее бы ему нравственность и любовь к ближнему: «Только меня – ради всего святого – не делайте добродетельным! Подумайте... я лицо ответственное... меня ждёт карьера... у меня семья...». Он прибегает к сходным аргументам, что и гоголевский Городничий, умоляющий Хлестакова пощадить его и не жаловаться министру: «Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека». Это лишь маленький пример того, как спустя почти сто лет после написания, в другой стране, в совершенно иных политических обстоятельствах произведения Гоголя обрели новую актуальность и помогли молодому чешскому сатирику высмеивать современное ему общество. В докладе будут приведены и другие примеры влияния Гоголя на Гауссманна.

Н. Е. Ананьева

Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н. В. Гоголя

В докладе исследуются польские мотивы, отраженные в ряде произведений Н. В. Гоголя («Тарас Бульба», «Страшная месть» и др.), и польско-украинские языковые элементы, характерные для поэтики великого прозаика. К польским мотивам относятся, в частности,

укоренившиеся в русской литературе стереотипы «прекрасной панны», «гордого шляхтича», «ляха-католика» и др. Среди инославянских элементов представлены как вошедшие в русский литературный язык номинации реалий, связанных с Украиной и Польшей (ср. генетические полонизмы: *ксендз*, *костёл*, *магнат*, *шляхта*, *шляхтич*, *шляхетство* и др.), так и языковые элементы, составляющие специфическую особенность идиостиля Н. В. Гоголя.

Под «польско-украинскими» языковыми элементами в докладе понимаются инославянские элементы русского текста, совпадающие по форме в украинском и русском идиомах (ср. *запаска* «фартук», *коханка* «возлюбленная», *матка* «мать» и т. п.). Большинство таких слов относится в украинском языке к генетическим полонизмам. Возможно и иное направление происхождения компонента общего польско-украинского инвентаря варваризмов Гоголя: так, общие для украинского и польского языков лексемы *чупрына*, *чуб*, *оселедец* являются в польском языке генетическими украинизмами.

Если в тексте представлена форма, совпадающая с фонетическими особенностями лишь одного из двух инославянских языков, данная лексема квалифицируется более определённо: или как украинизм (ср. украинизм *кухоль* при польск. *kufel* «кружка»), или как полонизм (ср. полонизм *запановати* при укр. *запанувати* «воцариться»). Отмечаются и собственно полонизмы (ср. *цурка* «дочка» и др.) и украинизмы.

К «скрытому» воздействию инославянских (польского и украинского) языков относится предпочтение из двух синонимичных форм русского языка той, которая ближе или идентична польско-украинской форме (ср. исключительное употребление слова «отчизна» в «Тарасе Бульбе» при отсутствии в повести синонима «родина» – ср. польск. *ojczyzna*, укр. *батьківщина*).

Употребление инославянского элемента нередко сочетается у Гоголя с параллельным функционированием русской словоформы

(ср. *Сичь* наряду с *Сечь*, *ласун* наряду с *лакомка* и др.). В докладе анализируются как апеллятивы, так и ономастическая лексика (антропонимы и топонимы). Апеллятивная лексика разной частеречной принадлежности рассматривается по лексико-семантическим группам.

В большинстве случаев польско-украинские слова и конструкции, собственно полонизмы и украинизмы и «скрытые» проявления воздействия двух инославянских идиомов выполняют художественную функцию передачи локального колорита. Проводятся параллели и выявляются различия в изображении юго-западной Украины у Гоголя и польских писателей (Запорожская Сечь у Г. Сенкевича в «Огнём и мечом», еврейские персонажи у А. Мицкевича в «Пане Тадеуше» и др.). В докладе также подчеркиваются следующие два обстоятельства:

1) необходимость исторического подхода к анализу языка Н. В. Гоголя (как и к языку других русских писателей XVIII–XIX вв.), учитывающего бóльшую степень близости между русским и польским литературными языками в XVIII–XIX вв. по сравнению с их современным состоянием;

2) необходимость более подробного языкового комментария в издающихся произведениях Н. В. Гоголя (ср. отсутствие объяснений для прилагательного *пышный* «гордый» или субстантива *волошки* «васильки» в современных изданиях «Тараса Бульбы» и др.).

Л. Н. Будагова

Провозвестник славянского литературного авангарда

«Все мы вышли из гоголевской “Шинели”...». Знаменитое изречение, которое приписывается Ф. М. Достоевскому, тогда

как тот просто процитировал слова французского собрата по перу, суживает диапазон гоголевских влияний, ограничивая их сферу прежде всего реалистическим направлением. Однако в его творчестве содержались импульсы, способные вдохновить и сторонников литературного авангарда (экспрессионизма, дадаизма, поэтизма, сюрреализма). В данном случае на передний план выступает «Нос» с абсурдностью сюжета, и напрашивается иная, комически звучащая мысль, – если не все, то многие вышли из гоголевского «Носа» (весьма выдающейся части писательского облика). Развернутая в повести история позволяет связать её прежде всего с сюрреализмом, который культивировал абсурдные ситуации и образы. Сопоставляют «Нос» и с «Превращением» Ф. Кафки. Однако тому были чужды гоголевская ирония и любые проявления комизма, что отдаляет писателей друг от друга, разводит по разным полюсам общедоступного и элитарного искусства, отражается на их популярности.

Впрочем, и «Шинель» не могла не задеть приверженцев авангардных течений, поскольку в ней органично слились трагизм с комизмом (интонация повествования, сцена выбора имени новорожденному с перечислением невероятных имен, элементы чёрного юмора и т. д.). К этому, в частности, стремилось искусство чешского поэтизма, особо ценившего способность соединять серьёзное со смешным. Ею обладали, по мнению В. Незвала, – Г. Аполлинер, Чарли Чаплин и др., но одним из первых и самых ярких «синтезаторов» таких противоположностей был, бесспорно, Гоголь.

Петербургские повести с их «Шинелью», «Портретом» и «Носом», отличаются, на наш взгляд, наибольшим из всех гоголевских произведений диапазоном по характеру и полярности импульсов, способных вдохновлять как реалистов, так и авангардистов. В целом, эта гоголевская проза – великолепный образец «городского текста», получившего распространение в литературе конца XIX – первой половины XX в. и стоящего у истоков темы

будней (или поэзии будней). Город – как концентрат бытия, как место развития самых разных невероятных, фантастических и вполне реальных бытовых историй – привлекал внимание представителей разных направлений – от романтизма и реализма до символизма и сюрреализма. Город сюрреалистов близок городу «петербургских повестей» смешением реальных и фантастических ситуаций и опорой на предметный образ. Если символисты раскрывали тему города в обобщенно-символическом плане (Отокар Бржезина и др.), то французские, чешские и словацкие поэты в предсюрреалистический и сюрреалистический периоды изображали городскую жизнь в мельчайших подробностях, свойственных и петербургскому тексту русского классика, правда, активнее, чем он, эксплуатируя фантастическое начало (рассказ «Пражский пешеход», поэма «Зона» и другие произведения Г. Аполлинера, поэмы «Удивительный кудесник», «Акробат», «Эдисон», сб. стихов «Прага с пальцами дождя», книга очерков «Пражский пешеход» В. Незвала, поэма «Нереальный город» В. Рейсела).

Л. К. Гаврюшина

Первый сербский перевод «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя: задачи автора и мнение критики

Влияние Н. В. Гоголя на сербскую литературу подтверждает первый перевод «Мёртвых душ», принадлежащий перу Милована Глишича и вышедший в 1872 г., через 30 лет после первого издания этого сочинения в оригинале. В основном автора перевода упрекали в подмене духа поэмы таким пониманием смысла её текста, которое было бы приближено к вкусам сербской публики того времени (например, В. Глигорич о «крестьянском» языке перевода, 1946). Наша задача состоит в сравнении ряда фрагментов этого

перевода поэмы с последним сербским переводом (Р. и М. Лалич, 1987), что позволит в какой-то степени определить справедливость вышеуказанных упреков в адрес М. Глишича и значение его труда для восприятия сочинения Н. В. Гоголя в Сербии.

И. А. Герчикова

Н. В. Гоголь на чешской сцене

Начиная с XIX в. и по настоящее время Гоголь, что касается постановок его произведений, является одним из самых востребованных авторов в Чехии. Гоголь сам бывал в Чехии, впервые попав туда по приглашению М. П. Погодина в 1839 г. Он посетил курорт Мариенсбад (Марианске Лазне), позднее Карлсбад (Карловы Вары), Есеник, Прагу, познакомился с «будителями», чехом В. Ганкой и словаком П. Й. Шафариком.

Впервые имя Гоголя в Чехии прозвучало на страницах журнала «Кветы» в 1837 г., затем многие известные литераторы переводили его на чешский язык. В 1867 г. И. А. Шебор перевёл комедию «Ревизор». Среди других переводчиков отметим К. Г. Боровского, Й. В. Фрича, В. Мрштика, Н. Слабигоудову, З. Малера, Л. Сухаржипу и др.

Если посчитать постановки Гоголя в любительских и профессиональных театрах, драматических и кукольных, эта цифра составит более тысячи, не говоря уже о многочисленных теле- и радиоспектаклях, а также музыкальных композициях Л. Яначека («Тарас Бульба»), Б. Мартину («Ревизор»), выдающемся фильме «Ревизор» (1933; режиссёр Мартин Фрик, в главной роли Власта Буриан).

Весьма популярным был именно «Ревизор». Роль Хлестакова, наиболее приближенно к замыслу Гоголя, исполнил в свое время Михаил Чехов (преьера 8 октября 1921 г.): «Быть может,

в первый раз за все те восемь десятилетий, которые насчитывает сценическая история «Ревизора», – на русской сцене явлен, наконец-то! – тот Хлестаков, о котором писал сам Гоголь...»⁵.

В Чехии состоялись три постановки на самой престижной драматической сцене страны – в Национальном театре, в одной из них Ладислав Лешек играл Хлестакова. Недавно, в ноябре 2006 г., прошла премьера в Национальном театре (в роли губернатора Мирослав Донутил, в роли Хлестакова – Саша Рашилов). Одновременно в салоне Ставовского театра в Праге открылась выставка об истории постановок пьес Гоголя. Нельзя не вспомнить инсценировку Иржи Фрейки в Национальном театре (1936), Яна Качера в театре «Чиногерни клуб» (1968), Яна Гроссмана в г. Градец Кралове (1980), Петра Лебла в театре «На Забрадли» (1995). В постановке Качера блистал в роли Хлестакова О. П. Табаков, который играл на русском языке, а все остальные чешские актёры на чешском (роль городничего исполнял знаменитый Павел Ландовский). Табаков считает роль Хлестакова одной из лучших. Были и выдающиеся работы Ивана Выскочила, Карела Гашлера, Ладислава Пешека, Олдржиха Нового.

Из постановок последних лет стоит отметить «Женитьбу» в Швандовом театре на Смихове (премьера 27 сентября 2003 г.) Януша Климсы и в театре «Гонг» (премьера 4 декабря 2006 г.) Мирослава Покорного. Интересен был модернизированный вариант «Ревизора» в Ставовском театре, новая постановка того же «Ревизора» (премьера 27 октября 2008 г.) Иво Крбота в театре Клицперы (г. Градец Кралове). Крбот прославился многочисленными инсценировками русской классики: «Идиот» Достоевского, «Платонов» Чехова и др. Известен постановками русской классики в Чехии и пермский режиссёр Сергей Федотов,

⁵ *Соболев Ю. В.* МХАТ и его студии // Вестник театра. 1921. № 91/92. С. 12.

чей «Ревизор» идет там уже пять сезонов. Через 50 лет вернулся «Ревизор» в драматический театр г. Кладно (последний раз его играли там в 1950 г., а впервые ещё в 1882 г.)

Гоголь – один из любимейших драматургов чешского зрителя.

Милан Гюрчинов (Скопье)

Образ Вия и его художественное воплощение у Н. В. Гоголя и Блаже Конеского (на материале русско-македонских литературных связей)

В послевоенный период в освобождённой Македонии наряду с А. М. Горьким Н. В. Гоголь становится самым популярным русским писателем, чьи произведения чаще других переводились на македонский язык. Уже в 1947 г. издаются переведённые на литературный македонский язык «Шинель», «Тарас Бульба» и «Ревизор». Через несколько лет выходит и перевод «Мёртвых душ».

Интерес к Гоголю имеет особый характер. Все его упомянутые произведения переиздаются по нескольку раз до и после выхода в свет в 1981 г. пятитомного Собрания сочинений, а комедии «Ревизор» и «Женитьба» постоянно идут на македонской сцене, переполняя зрительные залы.

О популярности Гоголя в Македонии, надеюсь, больше расскажут другие македонские русисты. Я же поставил перед собой задачу выяснить степень присутствия традиций Н. В. Гоголя в творчестве современных македонских литераторов, на что до сих пор, как мне известно, не обращали внимания. Речь идет в первую очередь о литературных параллелях между повестью Гоголя «Вий» и лирическим стихотворением с тем же названием известного македонского поэта Блаже Конеского.

При этом я постараюсь прояснить следующие вопросы:

- а) сходства и аналогии в отношении обоих писателей к фольклорному наследию;
- б) способ художественного воплощения фольклорных элементов у Гоголя и Конеского;
- в) характеристика и гротескные варианты бытового и ужасного – сходства и отличия;
- г) природа фантастики у Конеского и её место в его поэтическом творчестве;
- д) образ Вия и его структура в жанре «любовной лирики» у Конеского; точки соприкосновения с любовной лирикой А. Блока в раннем и более позднем периоде;
- е) образ женщины у Гоголя и Конеского;
- ж) влияние Гоголя на Конеского и др. македонских писателей;
- з) вопрос национальной идентификации писателя (опыт южнославянских литератур).

М. Ю. Досталь

Н. В. Гоголь и первые российские университетские слависты

В первой половине XIX в. началось славянское национальное возрождение, которое затронуло и Россию. Подъём национального самосознания особенно заметен во время и после Отечественной войны 1812 г. В Малороссии (Украине) также началось патриотическое движение: появились первые значимые литературные произведения на украинском языке И. П. Котляревского, П. П. Гулака-Артемовского, Г. Ф. Квитки-Основьяненко, ряда поэтов-романтиков фольклорно-этнографического направления и пр. Выходили в свет издания украинских песен Н. А. Цертелева, М. А. Максимовича и др.

Следует отметить, что образованное русское общество с большим сочувствием отнеслось к подобным демонстрациям южнорусской самобытности, считая их проявлениями региональных особенностей общерусских начал. В этой атмосфере происходило становление великого русского писателя украинского происхождения Н. В. Гоголя (1809–1852). Его знаменитые «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), наполненные искромётным народным юмором, колоритными образами малороссиян в их сельском быту, живописной природе и таинстве преданий, произвели настоящий фурор в русской литературе. В начале 1830-х гг. Гоголь серьёзно занимался собиранием украинских народных песен (которые сотнями передавал М. А. Максимовичу), намеревался написать историю Малороссии «от начала до конца» на основе «народных» исторических источников. Все эти гениально переосмысленные разыскания воплотились в замечательной повести «Тарас Бульба» (1835).

На почве общих интересов и произошло заочное знакомство Н. В. Гоголя с русским славистом И. И. Срезневским (1812–1880), юность которого прошла в Харькове. Последний организовал там кружок поэтов-романтиков (И. В. Росковшенко, А. Г. Шпигоцкий, И. А. Джунковский, О. С. и Ф. С. Евецкие), в 1831 г. издал «Украинский альманах», в 1832–1833 гг. записал ряд дум в районе с. Варваровка у Днепровских порогов. Думы, материалы фольклорного, этнографического и исторического характера, найденные им самим или предоставленные друзьями по кружку, он опубликовал затем в 6 сборниках «Запророжская старина» (1833–1838). Разумеется, Гоголь не остался равнодушным к этому изданию. Он писал И. И. Срезневскому 3 марта 1834 г.: «Где выкопали вы столько сокровищ? Все думы, и особенно повести бандуристов ослепительно хороши. Из них только пять было мне известно прежде, прочие для меня все – новость!» Под впечатлением этого и других сборников Гоголь написал статью

«О малороссийских песнях» (ЖМНП. 1834. Отд. II) и «Отрывок из истории Малороссии» («Арабески». 1834), где изложил свою концепцию истории украинского народа с романтических позиций.

Личное знакомство Срезневского с Гоголем произошло в Москве в доме историка М. П. Погодина в октябре 1839 г. Молодой ученый отозвался о Гоголе с симпатией, но без большого пиетета: «Очень молодой человек, хорошенький собою, умный, любящий всё славянское, всё малороссийское, но с первого виду малообещающий».

Разные места проживания и всё более расходившиеся научные интересы не способствовали развитию их дальнейших отношений. К тому же в своих литературных вкусах Срезневский остался приверженцем романтизма, поэтому, восхищаясь ранними сочинениями Гоголя, не принял ни «Ревизора», ни «Мёртвых душ».

С профессором Московского университета, земляком О. М. Бодянским (1808–1877) Н. В. Гоголя связывали более тесные отношения. Обоих малороссов, родом из разных местечек (Варва и Великие Сорочинцы) Полтавской губернии, сближал неподдельный интерес к малой родине, к украинской истории и фольклору. Бодянский со ссылкой на Гоголя в своей магистерской диссертации «О народной поэзии славянских племен» (1837) апологизировал значение украинских песен, называя их драматическими и ставя их выше всех в славянском мире.

Познакомившись в начале 1830-х гг. у М. А. Максимовича, они постоянно навещали друг друга в Москве, встречались у М. П. Погодина, в семействе Аксаковых, которые, например, устраивали в честь малороссов по воскресеньям «вареники» и пели украинские песни. Н. В. Берг отмечал какое-то особое «магнетическое» притяжение их друг к другу: «они устраивались в угол и нередко говорили между собой целый вечер, горячо и оживлённо». А поговорить было о чем, так как Бодянский издавал в то время в «Чтениях» Общества истории и древностей российских

главные источники по истории Малороссии – «Историю руссов», «Летопись самовидца», множество других «народных» исторических документов, типами которых в своё время Гоголь восхищался в «Запорожской старине». Известно также, что Бодянский обучал Гоголя сербскому языку для лучшего понимания «красоты песен», собранных выдающимся сербским ученым Вуком Караджичем. Теплые отношения сохранились между ними до самой кончины Гоголя в 1852 г.

Таким образом, с первыми университетскими славистами Н. В. Гоголя сближал общий интерес и любовь к украинскому устному народному творчеству и памятникам старины, в изучение, публикацию и художественную интерпретацию которых каждый из них внёс свой неповторимый вклад.

М. Н. Дробышева (Санкт-Петербург)

Комедия «Ревизор» Н. В. Гоголя в Сербии и Хорватии на рубеже XIX–XX веков (Гоголь на сценах Белграда и Загреба)

Путь освоения русской драматургии театрами Белграда и Загреба был не прост. Показательна полемика, возникшая вокруг спектакля «Ревизор», поставленного в 1870 г. на сцене Национального театра Белграда режиссёром А. Бачванским. Критика, представлявшая официальные круги монархической Сербии, пыталась принизить достоинства пьесы, ослабить её влияние на общественно-политическую жизнь страны. Критика же левой ориентации увидела в пьесе своеобразное «русское зеркало» политического строя Сербии. По мысли Йована Скерлича, первый сербский перевод «Ревизора» был своего рода агитацией против

бюрократической системы в Сербии⁶. В предисловии к сербскому изданию пьесы Л. Пачу отметил «своевременность её появления, пользу, какую она принесла маленькой литературе, где редко встречаются произведения истинной ценности». «Сербии нужен сейчас “Ревизор”, как он был необходим в своё время России, и это ни у кого не вызывает сомнений», – подчёркивал Л. Пачу⁷. Спектакль «Ревизор» получил много положительных отзывов, в то время как популярная пьеса «Кир-Яня» шла со значительно меньшим успехом, хотя была создана Стерней Поповичем на материале сербской столичной жизни. «Театр был переполнен, возгласам одобрения не было конца. Публика быстро уловила сатирический дух произведения, во время действия была очень оживлена»⁸.

Гротесковая структура гоголевской драматургии была оценена в Сербии раньше, чем в Хорватии. «Истина, высказанная в шутке, воздействует сильнее, чем сухая материя, и человек лучше исправляется, когда сам начинает смеяться над своей глупостью», – писал С. Попович в предисловии к своей комедии «Подозрительная личность» (1887, постановка в 1923 г.). Б. Нушич пояснял: «...Все мои пьесы 80-х годов – “Народный депутат”, “Протекуна”, “Подозрительная личность” – написаны под большим воздействием Гоголя, особенно последняя во многом напоминает “Ревизора”». На оригинале рукописи пьесы была надпись – «Гоголиада в двух действиях», а не «Комедия в двух действиях», как позже это значилось в театральных программах.

Мила Стойнич отмечала, что сербские писатели в произведениях Гоголя находили не только мотивы и темы, близкие им, но и человеческие типы и образы⁹. В период с 1861 по 1900 гг. на сцене

⁶ *Скерлић Ј.* Милан Глишић // *Скерлић Ј.* Писци и књиге. Београд, 1955. Књ 2. С. 166.

⁷ Цит. по: *Милидрагович М.* Гоголь у сербов во второй половине XIX века // Русско-югославские литературные связи. М., 1975. С. 80.

⁸ Један век Народног позоришта у Београду 1868–1968. Београд, 1968. С. 419.

⁹ *Поповић Ј. С.* Комедије. Београд, 1953. С. 13.

Сербского Национального театра и Национального театра в Белграде шли пьесы Гоголя, Грибоедова, Островского.

Хорватский Национальный театр в своём развитии опережал Сербский театр. Однако освоение драматургии Гоголя началось в Сербии раньше. Для многих сербских писателей (Б. Радичевича, С. Милутиновича, Й. Суботича, Я. Игнатовича) импульсом для создания оригинальных образов послужили гоголевские произведения.

А. Шеноа, оценивая значение русского театрального репертуара, обратился к анализу комедий Гоголя, полагая, что именно «Ревизор» наиболее соответствует интересам хорватской публики¹⁰. В Хорватии «Ревизор» был поставлен только в 1875 г., т. е. позже, чем в Сербии. Перевод же пьесы был сделан сербским переводчиком из Белграда Ж. Йовичичем. В Загреб пьесу привёз исполнитель роли Хлестакова на белградской сцене Т. Йованович, который с успехом сыграл главную роль и в хорватском спектакле режиссёра и актёра А. Мандровича, воплотившего в нём образ Городничего.

В Хорватии комедия Гоголя имела успех. На страницах журнала «Виенац» А. Шеноа опубликовал одну из самых известных своих статей, в которой дал высокую оценку и пьесе, и её постановке¹¹.

Большая заслуга в освоении русского репертуара принадлежала и хорватскому режиссёру С. Милетичу. Именно он на исходе XIX столетия вновь вводит в репертуар Хорватского Национального театра пьесу Гоголя «Ревизор» (1896) и обращается к другой комедии – «Женитьба» (1897). Русская драматургия, комедии Гоголя способствовали развитию и формированию национальной драматургии и профессионального театра у сербов и хорватов, предоставляя актёрам и режиссёрам возможности для раскрытия своего таланта.

¹⁰ *Стойнич М.* Сербский реализм и русская литература // Русско-югославские литературные связи. М., 1975. С. 11.

¹¹ *Šenoa A.* O hrvatskom kazalištu // Hrvatska književna kritika. Zagreb, 1950. S. 169.

Аленка Енстерле-Долежалова (Прага)

Влияние произведений Н. В. Гоголя на драматургию И. Цанкара

Произведения Николая Васильевича Гоголя – сатирический роман «Мёртвые души» (1842–1846) и комедия «Ревизор» (1836) – были очень быстро переведены на словенский язык, а комедия «Ревизор» шла на словенских сценах. Оба произведения повлияли на две пьесы Цанкара: «Для блага народа» (1902) и «Соблазн в долине святого Флориана» (1908), – что проявляется в критическом и сатирическом (на грани с гротеском) отношении к национальному обществу. Наиболее выразительно влияние «Ревизора» на пьесу «Соблазн в долине святого Флориана», что сказывается в самом конфликте. В ней поднимается тема борьбы личности против социальных отклонений и аномалий, происходящих в определенный исторический момент. Суть конфликта пьесы – проблема ложной самоидентификации. В центре внимания автора – образ человека, надевшего на себя чужую маску и в определенных ситуациях демонстрирующего вырождение общественной морали.

Перевод со словенского Ю. Созиной

Н. К. Жакова (Санкт-Петербург)

Духовные искания Н. В. Гоголя и их чешское восприятие

Путь духовного развития Гоголя до сих пор недостаточно изучен даже в России. Мы знаем Гоголя-творца «Миргорода», «Тараса Бульбы», «Мёртвых душ», «Ревизора», но нам совершенно не известен Гоголь-создатель «Размышлений о Божественной

литургии» и других духовных сочинений. Весь советский период эта сторона его творчества полностью игнорировалась. Известны были лишь «Выбранные места из переписки с друзьями», которые преподносились советскому читателю как измена писателя своему призванию. Только в последние годы появляются работы, раскрывающие подлинную сущность духовных исканий Гоголя (М. М. Дунаев, В. А. Воропаев, И. А. Есаулов, Ю. И. Сохряков и др.).

В Чехии интерес к Гоголю был всегда очень велик. Первый перевод Гоголя на иностранные языки – это чешский перевод «Тараса Бульбы» (1839). С тех пор «Тарас Бульба», наряду с «Мёртвыми душами» и «Ревизором», постоянно находятся в центре внимания чешских переводчиков русской литературы. Его творчество привлекает многочисленных чешских критиков. В конце XIX в. появляются статьи чешских авторов, посвященные проблеме религиозности Гоголя – Я. Ваня (1892), А. Врзал (1897 и 1902).

Чехия, пожалуй, единственная страна, где переводят духовные сочинения Гоголя: там трижды были переведены «Размышления о Божественной литургии» (1921, 1936, 1996). Первым переводчиком этого труда стал Гвидо Годура, издавший также «Переписку с друзьями» как IV том Собрания сочинений Гоголя (первые 3 тома были выпущены в 1891–1893 гг. И. Гошеком в издании Я. Отто). В послесловии к своему изданию «Выбранных мест из переписки с друзьями» Г. Годура, полемизируя с В. Г. Белинским и А. Н. Пыпиным, пишет о том, что это произведение – результат «органического развития» Гоголя, а потому здесь нет «внутреннего противоречия».

Второй перевод «Размышлений о Божественной литургии» был создан профессором старославянского языка университетов в Оломоуце и Праге, специалистом в области теологии и известным переводчиком Йозефом Вашицей.

Третий перевод осуществила преподаватель-русист Оломоуцкого университета Зденка Выходилова, много занимавшаяся проблематикой и историей переводов Гоголя в Чехии.

О рецепции Гоголя в Болгарии второй половины XIX–XX вв.

1. На фоне влияния творчества русских авторов на болгарских писателей второй половины XIX в. воздействие на них наследия Н. В. Гоголя было, пожалуй, наиболее сильным. Его следы обнаруживаются как в литературной критике, так и в самых различных литературных жанрах, включая повести, рассказы, драму, поэтические эссе и др. Фактически начало его воздействия стоит у истоков формирования «новой» болгарской литературы, границы которой иногда неоправданно смещаются ко времени Паисия Хилендарского (1722–1774) и его эпохальной «Истории славяноболгарской» (написанной в 1762 г., знаменовавшей собой начало переходного периода национальной болгарской литературы).

2. Широкое распространение произведений Н. В. Гоголя в Болгарии обязано прежде всего их несомненной талантливости, социально-реалистической направленности и притягательности демократических идей писателя для той части болгарской интеллигенции, которая получила образование в России и воспитывалась на образцах русской классической литературы.

3. Сведение причин популярности Н. В. Гоголя в Болгарии к одной лишь социальной обличительности его произведений было бы ошибкой. Не следует забывать, что первым сочинением писателя, переведенным на болгарский язык целиком, стала в 1872 г. повесть «Тарас Бульба»¹² – героико-романтическое сочинение, воспевавшее борьбу за освобождение отчизны от иноземных угнетателей, готовность пожертвовать собственной жизнью за свободу родной земли и верность заветам отцов, дедов и далеких

¹² Переводчиком повести выступил живший в России первый болгарский профессиональный литературный критик Нешо Бончев.

предков. Эти идеалы в то время как никогда были близки революционным умонастроениям болгар, вылившимся во вспышку народного гнева – антиосманское восстание 1876 г. Образ Тараса Бульбы напоминал образы болгарских гайдуков и защитников народа не только в народных песнях, но и эпической гайдуцкой поэме «Лесной путник» Г. С. Раковского, поэзии Христо Ботева, ряде повестей Л. Каравелова и произведениях других болгарских писателей.

4. Отдельным разделом болгарского «гоголеведения» может быть история переводов сочинений писателя на болгарский язык, включающая не только хронологию появления самих переводов на болгарской почве, но повышение уровня их художественной адекватности оригиналам. В переводческом деле здесь наблюдалось заметное движение вперед – от слабых адаптированных переводов, вызванных неважным знанием русского языка и относительной неразвитостью языка болгарского литературного (последний был кодифицирован только в последней четверти XIX в.), до появления гоголевских сочинений в переводе таких известных болгарских творцов, как Д. Подвырзачов, Л. Стоянов, Г. Караславов, Христо Радевский и др.

5. После освобождения Болгарии от османского ига в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. героико-эпическая повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в смысле интереса болгарских читателей уступила место социально обличительным гоголевским произведениям: на передний план выдвинулась комедия «Ревизор», впервые переведенная на болгарский язык в 1882 г. До середины XX в. она переводилась в Болгарии многократно, выдержала 20 изданий с общим тиражом более 100 000 экз. Если учитывать многочисленные постановки «Ревизора» на болгарской сцене, то это произведение можно назвать одним из самых распространенных литературных произведений в Болгарии вообще.

6. Интерес к социально обличительным повестям Н. В. Гоголя после Второй мировой войны приобрел в Болгарии государственно-

политический характер. В «Хрестоматию» по литературе для X класса учащихся средних школ, наряду с другими сочинениями русских писателей XIX в. (А. С. Пушкина, Н. Г. Чернышевского, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и др., составляющих более половины всего учебника), были включены и отрывки из одного произведения Н. В. Гоголя. Это были I–VI и VIII главы из «Мёртвых душ», имеющие остро критический характер.

7. При анализе популярности Н. В. Гоголя в Болгарии следует учитывать степень распространенности в стране русского языка: его отлично знала болгарская интеллигенция, он был обязательной дисциплиной, преподававшейся в болгарской средней школе. Многие произведения Н. В. Гоголя болгары знали в русском оригинале, блистали цитированием гоголевских крылатых выражений. Это положение изменилось в стране с начавшейся в конце 80-х гг. XX в. «демократизацией», которую часть болгарского общества ложно понимает не просто как борьбу против советской и национальной коммунистической идеологии, но и как отказ от связей с русской культурой, литературой и всего того, что может напоминать болгарину об СССР или даже России. Все это имеет своим результатом постепенное «истаяние» гигантской фигуры Н. В. Гоголя в ландшафте современной болгарской культуры.

Лидия Капушевская-Дракулевская (Скопье)

Н. В. Гоголь и македонский фантастический рассказ

Н. В. Гоголь как крупнейший мастер фантастики в русской и – шире – в европейской литературе всё ещё представляет собой настоящий клад для осмысления этого феномена. Предметом рассмотрения в докладе станет прозаическое творчество Гоголя,

точнее «украинский» и «петербургский» циклы рассказов и их восприятие македонской литературой, а также возможные параллели между гоголевскими рассказами и македонской прозой.

Прежде всего важно подчеркнуть, что примеру Гоголя, который собирал народное творчество (в рамках широкого романтического интереса к фольклору), последуют многие балканские и славянские авторы, среди которых полвека спустя окажется и македонец Марко Цепенков (1829–1920).

В современных условиях рецепция гоголевской фантастики фольклорного типа в симбиозе с оригинальным фольклорным наследием македонского народа способствует появлению в национальной литературе своеобразного фантастического рассказа, который относят к «фольклорной фантастике». Ярче всего он представлен в творчестве Живко Чинго (1936–1967) и Петре М. Андреевского (1934–2006). Если говорить о петербургском цикле, то можно сказать, что «урбанистическая фантастика» Гоголя обнаруживает в современной македонской литературе ещё более плодотворную почву для своего развития. Известные параллели с творчеством Гоголя можно провести, анализируя рассказы Влады Урошевича (р. 1934), Митко Маджункова (р. 1943) или творчество целой плеяды более молодых авторов (Димитрия Дурацовского, Александра Прокопиева, Эрмиса Лафазановского и др.), которые пестуют своеобразный синтез фантастического и гротескного, опираясь именно на авторитет великого Гоголя.

Художественное наследие Гоголя до сих пор живёт в традициях македонского фантастического рассказа.

Перевод с македонского М. Проскурниной

Н. В. Гоголь в современной Украине

Украина широко отметила 200-летие со дня рождения Н. В. Гоголя. 1 апреля 2009 г. на торжественных мероприятиях по случаю юбилея писателя присутствовал Президент Украины В. А. Ющенко. В празднествах приняли участие научные, культурные и просветительские учреждения Украины, где состоялись конференции, выставки, круглые столы и т. д.

Современные точки зрения на личность писателя и его творческое наследие отражены в многочисленных публикациях, которые появились в украинских научных и публицистических изданиях в связи с юбилеем. Обзор опубликованных работ дает представление о позициях ученых и общественности относительно ряда актуальных вопросов, связанных с Н. В. Гоголем, а особенно с наиболее часто затрагиваемой проблемой национальной принадлежности писателя и его творчества.

Самыми показательными из юбилейных публикаций являются материалы конференций, которые прошли в университетах Украины, и статьи литературно-критического характера, к которых раскрывается значение гоголевских художественных образов в аспекте национально-украинского восприятия. Ряд статей затрагивает вопросы методологии чтения курса лекций о творчестве Н. В. Гоголя в высших учебных заведениях и школах Украины. Множество публикаций посвящено национальной идентичности писателя. Например, «Материалы к проведению читательских конференций “Гоголь и Украина”» (З. Булава), «Великий украинец Николай Гоголь» (Леся Степовичка), «Две души Гоголя» (О. Бузина), «Можно ли считать Николая Гоголя великим украинцем?» (Л. Кругла), «Тайны биографии Гоголя» (Р. Смирнова), «“Он – наш, он – не их...”: Размышления о Гоголе и литературной современности» (М. Наенко),

«Украинский романтик Николай Гоголь» (М. Томенко), «Мистический реализм Н. В. Гоголя: к проблеме философско-теологической символики» (М. Кудрявцев).

Анализ публикаций и их объём показали большой научный и общественный интерес к личности Гоголя и его творчеству. Так в русско- и украиноязычных периодических изданиях Украины 2001–2009 гг. опубликовано около 400 работ, посвященных Н. Гоголю, почти половина из которых имеет научное значение. Из них – в связи с юбилеем – опубликовано около 100 работ.

В статьях представлены самые разные взгляды ученых и общественных деятелей. Сейчас, как и 100–150 лет тому назад, Н. В. Гоголь – великий русский писатель, а одновременно – и великий украинец.

Перевод с украинского А. Липатова

Л. Ф. Колесник (Днепропетровск)

Связь Н. Гоголя с украинской культурой

По своему происхождению Н. В. Гоголь был украинцем, однако, его талант расцвел на русскоязычной почве. Он первым открыл русскому читателю и миру своеобразную культуру и духовность украинского народа.

Доминирование характерных черт украинской культуры обнаруживается в лексике повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки»: широкое привлечение украинского фольклора свидетельствует не только о знакомстве автора с украинским народным творчеством, но и помогает читателю почувствовать особую ментальность народа, своеобразие национальных обычаев и характеров – так, как это чувствует сам автор. В повестях из «Вечеров...» Гоголь приводит немало украинских народных песен разных жанров (исторических, бытовых, лирических), тем самым

проявляя свое отношение к ним, как сокровищнице культуры, в которой «история народа раскрывается во всем своем величии». (Это отметил сам писатель в статье «О малороссийских песнях»).

Захватывающий колорит национального многоцветия (воспроизводимый народными присказками, пословицами, описанием национальных костюмов, обычаев, поведения) являл собой не только лишь этноописание, но и проявление генетической связи Гоголя с украинцами, со средой живого бытия украинского народного творчества, которое он унаследовал от родителей. Важным является и то, что в текстах упомянутых повестей Н. В. Гоголь цитирует известных украинских писателей: И. Котляровского и П. Гулака–Артемовского, в чём просматривается знакомство с сатирическим и комедиографическим направлениями в украинской литературе. Следует принять во внимание то, что украинская национальная культура на протяжении веков не могла развиваться свободно, что украинский язык в условиях русификации был запрещён, поэтому именно народное творчество стало формой сохранения и существования национального самосознания. В народном творчестве закодирована ментальность украинцев – мысли, чувства, мировосприятие, жизненные наблюдения, которые выражаются в художественных формах посредством архаических образцов. Сам Гоголь использовал неповторимый по своей сущности и форме фольклор в качестве отображения культурного опыта народа.

Среди украинских литературоведов возникло предположение, что общественно-исторические обстоятельства, в которых находился Гоголь, принудили его к созданию художественных произведений на русском.

Однако, впитав русскую и украинскую культуры, писатель-философ в разных произведениях воспроизвел как реалии русской жизни в галерее несравненных самобытных персонажей, так и наряду с ними отобразил в свете своего мировосприятия украинское общество.

Перевод с украинского А. Липатова

Н. В. Гоголь на сербской сцене

В предлагаемом докладе автор исследует восприятие произведений Н. В. Гоголя сербским театром.

Интерес сербской культурной общественности к творчеству Гоголя начинается в 30-е гг. XIX в., когда его имя впервые появилось в сербской печати.

В период формирования национального сознания, в 1850-е гг., появляются первые переводы гоголевских рассказов и повестей на сербский язык. В 1860-е гг. уже ощутимо присутствие Гоголя в сербской литературе. Он сыграл большую роль в освоении реализма сербскими писателями. Начиная с 1860-х гг., открываются первые сербские профессиональные национальные театры в Новом Саде и в Белграде, но появления гоголевских произведений на сербской сцене пришлось ждать относительно долго. Только в 1870 г. в Народном театре в Белграде впервые был поставлен «Ревизор», а в 1872 г. и «Женитьба». В новисадском Сербском народном театре, кстати сказать, старейшем театре у югославских народов, премьеры этих спектаклей состоялись лишь в начале XX в. Нами отмечена немногочисленность постановок в период между двумя мировыми войнами. После Второй мировой войны присутствие Гоголя на сербских сценах становится весьма интенсивным и распространённым. Его произведения ставятся не только в старых, но и в многочисленных новых театрах. Собранные нами данные свидетельствуют о том, что почти каждый год – вплоть до сего дня – на сербских сценах в разных городах (в Белграде, Новом Саде, Нише, Приштине, Вршаце, Панчеве, Крагуеваце, Шабаце, Крушеваце, Заечаре, Субботице и др.) звучали голоса знаменитых гоголевских героев. Самыми популярными были, конечно, комедии «Ревизор» и

«Женитьба». Неоднократно предпринимались и инсценировки «Мёртвых душ» и «Записок сумасшедшего».

В своем докладе мы особо остановимся на некоторых постановках, оставивших наиболее глубокий след в истории сербского театра.

В заключение следует отметить, что исследование восприятия Гоголя через сербскую сцену интересно также с точки зрения оценки качества переводной литературы, художественного вкуса сербской публики, режиссёров-постановщиков и, не в последнюю очередь, выдающихся актёров, игравших в гоголевских спектаклях.

Гедвига Кубишова (Банска Быстрица)

Н. В. Гоголь и Й. Шкультеты

Творчество Н. В. Гоголя пользуется большой популярностью в Словакии. О нём писали многие критики, начиная со Св. Г. Ваянского, Й. Шкультеты и заканчивая О. Чепаном, Ю. Ноге, А. Поповичем, Д. Дюришиным, М. Придавковой и др. Практически все произведения русского писателя переведены на словацкий язык. Первые попытки перевода относятся к концу XIX в. (Б. Н. Незабудов, Фериенчик, А. Т. Сытнянский. Я. Францисци, Й. Шкультеты, М. Кукучин, Ю. Маро и др.).

Цель нашего доклада – исследование отношения известного словацкого критика, историка, публициста Йозефа Шкультеты (1853–1948) к творчеству Н. В. Гоголя, его оценок значения произведений русского писателя для словацкой литературы, а также лингвостилистический анализ переводов Шкультеты гоголевских произведений «Тарас Бульба» и «Старосветские помещики».

Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» была написана в 1835 г., т. е. за год до выхода в свет трактата Яна Коллара «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836),

в котором была сформулирована идея славянской взаимности. Словацкий исследователь А. Попович, который подробно изучал словацко-русские литературные контакты, отмечает, что после поражения революции 1848–1849 гг. «часть словацких деятелей видит бегство от политической жизни в восприятии Славянства как будущей мессии свободы, в оппозиции к чему находилось русофильство народа и демократизм некоторых представителей штуровского движения, как, например, Я. Краля, Я. Францисци». Основанием для распространения русофильских настроений являлось не только единство славянских народов, близость их языков, но и «защитная функция в борьбе против угнетения народа, германизации и мадьяризации населения».

В последующие годы важную роль в развитии интереса к русской литературе сыграл Й. Шкультеты. Первое упоминание имени Н. В. Гоголя содержится в статье Й. Шкультеты, опубликованной в 1884 г. («Роман Ваянского “Сухая ветвь”», газета «Народне новины»). Критик особо подчеркивал влияние гоголевских произведений на формирование писательского таланта М. Кукучина, назвав Гоголя его «любимцем». В статье «Николай В. Гоголь» («Народне новины», 1909)¹³, исследуя значение творчества Н. В. Гоголя, Й. Шкультеты высоко оценил его вклад в развитие мировой литературы. Позже он подробно писал о нем в своей работе, посвященной творчеству М. Кукучина («Народне новины», 1920).

Повесть «Тарас Бульба» была переведена Й. Шкультеты¹⁴ в 1883 г. В своем выборе он руководствовался не только критериями эстетического характера, но и общественной значимостью произведения. Отражение роли казачества в борьбе против татарского нашествия, вера в историческую миссию восточных славян было актуальным для словацкой действительности того времени.

¹³ Škultéty J. Nikolaj V. Gogoľ // Národné noviny. 40. 1909. Č. 41.

¹⁴ Jozef Škultéty (1853–1948) / Zost. M. Kocák. Martin, 1970. S. 56–64.

Кроме того, повесть не содержала острой критики российской жизни, характерной для «Ревизора», «Мёртвых душ» или петербургских повестей и отвергаемой многими деятелями словацкой культуры, в том числе и самим Й. Шкультетой. Более «нейтральным» показался ему и цикл «Старосветские помещики» (перевод 1886 г.), привлечший его внимание ярким описанием жизни и характеров героев.

Весьма примечателен факт перевода Й. Шкультетой статьи С. Волконского «Гоголь, Тургенев, Достоевский, Лев Толстой», опубликованного в журнале «Словенске погляды» (1897) и способствовавшего популяризации русской литературы в Словакии и, в частности, творчества Н. В. Гоголя.

Начиная с 1881 по 1918 гг. из 49 культурных акций, связанных с именем Н. В. Гоголя, 16 были осуществлены благодаря Й. Шкульте.

При рассмотрении и оценке перевода «Тараса Бульбы», сделанного Й. Шкульте, необходимо остановиться на проблеме словацко-русских языковых контактов с целью изучения некоторых способов включения русских слов в словарь словацкого литературного языка. В своей работе «Иностранные слова в словацком языке» (1902)¹⁵ Й. Шкульте выразил негативное отношение к заимствованию и использованию иностранных слов. Однако как редактор и переводчик он весьма терпимо относился к включению в текст русских слов. Более того, он сам активно использовал русизмы, основные принципы отбора которых нами исследуются.

¹⁵ *Škultéty J. Cudzíe slová v slovenčine // Slovenské pohľady. 22. 1902. Č. 11. S. 633–651; Č. 12. S. 755–764.*

Н. В. Гоголь и Абрамцево

Абрамцево в жизни Н. В. Гоголя было не только живописной усадьбой, где он отдыхал и общался со своими друзьями Аксаковыми, но и местом, связанным с его творческой деятельностью.

В 1849 и 1851 гг. писатель неоднократно приезжал в Абрамцево. Здесь 18 августа 1849 г. Н. В. Гоголь прочитал Аксаковым первую главу второго тома «Мёртвых душ». В конце августа он вновь приехал в Абрамцево, прожил там неделю, работая над продолжением поэмы. Абрамцево привлекало писателя и тем, что находилось недалеко от Троице-Сергиевой лавры, которую он посещал во время своего пребывания в усадьбе. В октябре 1851 г. там состоялась его встреча со студентами духовной академии.

После смерти Николая Васильевича С. Т. Аксаков написал книгу «История моего знакомства с Гоголем», в которую включил их многолетнюю переписку и свои воспоминания о писателе.

В 1870 г. усадьбу у дочери С. Т. Аксакова Софьи приобрел предприниматель и меценат С. И. Мамонтов. Как и в семье Аксаковых, имя Гоголя было «драгоценно» и в его семье. На драматических вечерах, проходивших в Абрамцеве, читали сочинения писателя, а 6 августа 1888 г. здесь была представлена «Женитьба», в которой играли члены семьи Мамонтовых и художник В. Серов.

После революции, в 1918 г., в Абрамцеве был создан музей. В его комплектовании активное участие принимали искусствовед В. Я. Адарюков и литературовед С. Н. Дурылин. Они уделяли большое внимание сбору материалов о Н. В. Гоголе: были приобретены его письма, портреты, первые издания его книг. Это собирательство продолжил Н. П. Пахомов, ставший директором музея в 1948 г.

В настоящее время в рукописном фонде музея хранятся 6 писем Н. В. Гоголя к Аксаковым, две его записки, черновые записи В. С. Аксаковой о писателе. Письма были опубликованы в книге С. Т. Аксакова «История моего знакомства с Гоголем», но на письме от 5 марта 1841 г. имеются уточняющие карандашные пометки С. Т. Аксакова, не вошедшие в публикацию. Записки не были датированы, но при сопоставлении событий жизни писателя была установлена их приблизительная дата.

В книжном фонде имеются прижизненные издания сочинений Н. В. Гоголя. Среди них – две книги с его автографами. Это «Мёртвые души» (М., 1842), подаренные писателем К. С. Аксакову в день его именин, и комедия «Ревизор» (М., 1836), подаренная М. Н. Загоскину.

В музее хранятся литографированные портреты Н. В. Гоголя разных лет и копия с его портрета работы Ф. Моллера, выполненная Татьяной Васнецовой, дочерью В. М. Васнецова.

Значительную часть гоголевской коллекции составляют иллюстрации к произведениям писателя. Это работы дореволюционных художников А. Агина, П. Боклевского. П. Соколова, В. Маковского и художников послереволюционного периода – Н. Кузьмина, В. Горяева, С. Алимова.

В гоголевскую коллекцию также вошли фотографии сцен из спектакля «Женитьба», сыгранного Мамонтовыми в Абрамцеве, и фотографии сцен из спектаклей московских театров, поставленных по пьесам Н. В. Гоголя в 50–60 гг. XX в.

Большая часть материалов вошла в состав двух выставок, подготовленных музеем к 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя: «Н. В. Гоголь и С. Т. Аксаков» и «Иллюстрации к произведениям Н. В. Гоголя».

«Гоголевская молитва» в народных литературах восточных славян¹⁶

В ходе многолетних экспедиций в Белоруссии, Литве, Польше, России и Украине в православной народной среде нам постоянно встречался и встречается стихотворный рукописный текст, получивший именование «гоголевской молитвы». Именно так сейчас всё чаще называют это евхографическое сочинение XIX в., приписывая его, не без основания, Н. В. Гоголю.

В народе молитва эта, «К Тебе, О Матерь Пресвятая», стала широко распространяться с конца XIX в. и известна нам во многих вариантах¹⁷.

Благодаря накопленным материалам мы можем выделить несколько этапов рецепции этого текста в восточнославянских народных литературах и даже указать эдиционные центры, способствовавшие этому процессу.

Как показывают наши наблюдения, к настоящему моменту молитва эта стала полноправным массовым слагаемым каждой из восточнославянских народных литератур, бытовавшем и бытующим в рукописном, машинописном, а с самого недавнего времени и в электронном виде. Причём киберпространственная составляющая дополняется все чаще даже мультимедийными вставками, примером чего служит запись исполнения «гоголевской молитвы» хором училища культуры им. И. Котляревского в г. Гадяч, прозвучавшая на праздновании юбилея Н. В. Гоголя в марте 2009 г.

¹⁶ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Белорусско-украинская народная книжность XX–XXI вв.: православный «Богогласник» (Исследование и публикации)», проект № 08-04-00027 а.

¹⁷ См.: *Лабынцев Ю., Щавинская Л.* Рукописная книжность гоголевского края. М., 2009. С. 48; *Они же.* Народная литература белорусско-русско-украинского пограничья. М., 2009. С. 306.

В. А. Францев о восприятии творчества Н. В. Гоголя чешской литературой XIX в.

В. А. Францев (1867–1942) – русский славист конца XIX – начала XX в., крупнейший исследователь чешского национального возрождения и чешско-русских литературных и научных связей от начала их зарождения до Октябрьской революции 1917 г. Ученый являлся преимущественно филологом и литературоведом, хотя ему принадлежит и ряд важных сочинений по истории культуры Чехии. Особое место в творчестве В. А. Францева занимают вопросы о восприятии зарубежными славянами XIX в. – и, в частности, в Чехии – русской литературы. Он писал о М. Ю. Лермонтове, А. С. Пушкине, А. М. Одоевском, А. К. Толстом, В. А. Жуковском и др. русских писателях, о распространении знаний о них в чешском образованном обществе и отражении в чешской литературе.

Несколько статей ученого касаются творчества Н. В. Гоголя. Наиболее обстоятельной из них является работа «Н. В. Гоголь в чешской литературе» (1902). Автор скрупулезно исследовал все сведения, содержащиеся в переписке разных деятелей науки и литературы как русских, так и чехов, где содержатся упоминания о пребывании Н. В. Гоголя в Праге или на чешских курортах, о посещении им библиотеки Национального музея и беседе с В. Ганкой, об интересе Гоголя к славянским сюжетам и литературе. В частности, Н. В. Гоголь проявил внимание к работе П. Й. Шафарика «Славянские древности», посетил автора этой книги, одолжил у него ряд изданий, которые, как свидетельствуют письма Шафарика М. П. Погодину и др. лицам, так и не возвратил владельцу. По мнению В. А. Францева, Н. В. Гоголь подарил П. Й. Шафарику некоторые свои сочинения, однако, чешский

ученый, скорее всего, их не прочитал, и, согласно одному из его писем, отослал другому лицу, вероятно, как ненужное самому.

Сведения о сочинениях Н. В. Гоголя были у чешских деятелей, имевших связи с русскими учёными, ещё до появления на чешском языке переводов произведений русского писателя. Первым переведённым сочинением Н. В. Гоголя на чешский язык была повесть «Тарас Бульба». Перевод принадлежал К. В. Зану и вышел в 1839 г. Впоследствии, до конца XIX в., «Тарас Бульба» переводился много раз.

В. А. Францев не согласен с утверждением В. И. Латомского, что в Чехии вовсе не переводили и не читали Н. В. Гоголя. Он считает, что ещё до кончины русского писателя чехи читали на родном языке и «Мёртвые души» и многие повести. Однако, по мнению В. А. Францева, смысла творчества Н. В. Гоголя чехи не понимали.

Так, К. Гавличек, приехавший в 1842 г. в Россию в качестве воспитателя детей С. П. Шевырёва, хотя и вращался в московском обществе интеллектуалов, где нередко бывал и Н. В. Гоголь, не вынес из своих знакомств глубокого понимания ни русской литературы, ни широты её задач.

Судя по письмам К. Гавличека своему другу К. Зану, для Гавличека вся тогдашняя русская литература не представляла ничего достойного внимания. Н. В. Гоголя он считал исключением, но полагал, что это «забавный» писатель. В его повестях комически изображена жизнь помещиков, бурсаков и т. д., они весьма забавны и будут скрашивать сухое, незанимательное повествование о серьёзных вопросах. Гавличек не понимал социального смысла творчества великого русского писателя, что можно объяснить, в частности, незнанием реалий русской жизни. Не знал К. Гавличек и русской литературы. В своих письмах из Москвы он не упоминает ни о Лермонтове, ни о Грибоедове, ни о Жуковском, ни о Крылове, ни о других выдающихся русских писателях. Остались непонятыми Гавличеком и «Мёртвые души» Н. В. Гоголя,

которые он, кстати, перевёл. В. А. Францев приводит сведения из одного письма Шевырёва к Погодину, где говорится, что Гавличек довольствовался знакомством лишь с одним Гоголем, причём понимал в нём одну только комическую сторону, которая пришлась ему по сердцу с его склонностью к смешному. Свой взгляд на «Мёртвые души» Гавличек выразил в нескольких строках предисловия, предпосланного переводу их: называя бессмертную поэму замечательнейшим произведением первого русского юмориста, он видит в ней прежде всего чрезвычайную забавность, которая не позволит читателям скучать. Такими же забавными произведениями он считал и повести Гоголя. В. А. Францев резюмирует, что великое социальное значение «Мёртвых душ», влияние этого произведения на русскую литературу и литературные понятия, глубокое проникновение художника-мыслителя в тайники души русского человека – всё это осталось для Гавличека закрытой книгой, открыть которую он не сумел. Смесь слёз и смеха, «внешний смех и тайный плач», – основная черта творчества Гоголя, были незамечены Гавличеком, и Гоголь в его изображении представляется лишь юмористом, «забавным пересмешником», без той «думы скорби плачем», которая неразлучна с верным его портретом.

В то же время Гавличек стал переводчиком ряда произведений Гоголя на чешский язык. Особенно активно он занимается этим после своего возвращения в Чехию. Помимо «Мёртвых душ» он переводит повести «Нос», «Старосветские помещики», «Шинель» и др. По мнению В. А. Францева, переводы К. Гавличека не отличались ни полнотой, ни точностью, так как переводчик не всегда понимал русский текст надлежащим образом. Однако Гавличек не обходит трудные места, как это делали позднейшие переводчики, конструкция его предложений близка к русским. Вслед за Гавличеком к переводам приступили и другие литераторы. В 40-е гг. XIX в. был осуществлён полный перевод «Записок сумасшедшего», «Коляски», «Портрета», «Невского проспекта».

С 1849 по 1852 гг., новые чешские переводы его произведений не появлялись. Смерть великого писателя вновь пробудила интерес чешского общества к его творениям. При этом меняется оценка значения творчества Гоголя в сторону большей объективности. Многие произведения переводятся по нескольку раз и публикуются в журналах и альманахах, а также в пражских немецких изданиях.

Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» стала достоянием чешской литературы в 1865 г., когда была впервые представлена в чешском театре.

На смерть Н. В. Гоголя отозвались многие чешские газеты. В. Ганка опубликовал в приложении к журналу «Люмир» (1852) письмо к нему Н. В. Берга, подробно сообщавшего о кончине и похоронах Н. В. Гоголя, и стихотворение русского литератора по этому поводу.

Во второй половине XIX в. в чешской литературе появился краткий очерк жизни и творчества Гоголя. обстоятельный биографический очерк и характеристику литературной деятельности Гоголя представил Е. Вавра к своему переводу «Мёртвых душ» в 1862 г. В 1887 г. на чешский язык были переведены статьи В. Г. Белинского о Гоголе, а в 1890 г. в журнале «Литерарне листы» был опубликован очерк об отношении русской критики к Гоголю, составленный по лекциям О. Ф. Миллера. Таким образом, во второй половине XIX в., по данным Францева, отличающимися исчерпывающей полнотой, что вообще характерно для научного метода этого ученого, чешская литературная общественность оценила «гениальное перо» Гоголя и констатировала факт широкого распространения его произведений среди читающей чешской публики.

Универсальное и национальное: казус Гоголя

1. В современном объёме понятие универсализма сформировалось в эпоху Просвещения, прямой наследницей которого является нынешняя культура Европы. Современное понятие народа как нации восходит к конечной стадии Просвещения, ознаменованной Великой французской революцией. Начальным этапом формирования современных наций и свойственного им национального самосознания была эпоха Романтизма, выросшая из Просвещения.

Начала универсального и возникшего в его недрах национального являются собой диалектическое целое. Там, где происходит идеологический разрыв, распадается исторически возникшее системное целое: универсальное предстает как нечто особое, отдельное – внешнее – по отношению к национальному, а поэтому рассматривается как чужое, а в определённых своих аспектах – враждебное ему.

Диалектическая взаимосвязь универсального и национального обусловила специфику облика Романтизма как мировидения, которое обрело воплощение в историософии, историографии и искусстве. Национальное начало предстает здесь как разомкнутое на другие народы, тем самым обогащая как самое себя, так и воспринимающие его другие культуры.

Такая открытость обусловила общее развитие культуры как определителя европейской цивилизации. Свойственное именно ей универсальное общее развивалось благодаря усвоению свершений её национальных составляющих. Отсюда характерный для национальных проявлений романтизма интерес к «чужому». Отсюда, например, общий для Европы времён романтизма интерес к Востоку, а в отдельных её национальных составляющих – к культурам ближних и дальних соседей. Так с кругом этих закономерностей,

начиная с Гердера, связана особая роль немецкой историософии, историографии и филологии в распространении интереса к славянству и возникновении самой славистики сначала вне, а затем и внутри самого славянского мира. С этим же связано обращение немецкой образованной среды Латвии и Эстонии к народной культуре латышей и эстонцев, а как следствие – пробуждение в их среде национальной идеи.

Проявления культурной и собственно литературной открытости по отношению к другим, результатом которой было культурное взаимообогащение: это интерес Англии к Шотландии; Польши – к Украине, Белоруссии и Литве; России – к Украине.

Эти закономерности и стоящие за ними факты времён позднего Просвещения и Романтизма следует – во избежание анахронизма – принимать во внимание при осмыслении специфики мировидения, особенностей мышления и жизненных выборов людей той эпохи, а в их числе – Гоголя.

2. Государственный язык многоэтничных государств является не только языком межнационального общения, но и тем посредником, благодаря которому культурные ценности «нетитульных наций» обретали известность и отзвук сначала внутри наднационального государства, а затем вне его вследствие роли и значения такого государства в европейском пространстве.

Эти факторы обусловили весьма распространенное явление: обращение целой череды инонациональных – по отношению к титульной нации – писателей к языку универсальной империи, что продолжается по сей день. Так, например, помимо творчества евреев на языке государств, подданными которых они являются, характерен переход целого ряда шотландских и ирландских писателей на английский язык, благодаря которому они снискали поистине мировую известность. Примером может служить и поляк Юзеф Коженевский, который вошёл в историю мировой литературы как английский писатель Джозеф Конрад.

Аналогичной была ситуация в Австрии, России и СССР (в этом последнем случае своей европейской известностью Ч. Айтматов, В. Быков и Ф. Искандер обязаны своему русскоязычному творчеству).

Гоголь был отнюдь не первым в череде украинцев, которые обратились к творчеству на русском языке.

Русскоязычные творения Гоголя на украинские темы не только ввели Украину, её культуру и – используя романтическую фразеологию – «украинский дух» и «украинскую душу» в русское самосознание, тем самым расширив собственно русский культурный кругозор и русскую художественность, но и при посредничестве русского языка ввели её в круги культуры самых разных народов, тем самым сделав достоянием европейского универсума.

В этой части своего творчества, отражающего не только украинскую реальность, но и саму украинскую ментальность, а также – что является особым художественным феноменом – специфику украинской речи, саму её мелодику, гениально трансформированную в материи русского языка, Гоголь – писатель глубоко украинский, тогда как в произведениях на русские темы он предстает как писатель глубоко русский.

Масштабности его дарования хватило на две литературы и две культуры. Образно выражаясь, у Гоголя два дома: первый – родительский дом, из которого он вышел в большой мир, – украинский; второй – построенный им самим родной дом, из которого он вошёл в большой мир – русский.

В украинском доме были созданы творения, которые в обще-европейском духе романтизма отобразили Украину и украинцев, их прошлое и настоящее, их менталитет, их отношения, их национальные характеры, быт и нравы. В русском доме были написаны произведения, которые самой России и миру открывали её естество, а одновременно вводили этот её художественный образ в круг достояний мировой литературы.

Гоголь принадлежит к тем представителям культуры, чей гений на протяжении вот уже полутора веков сближает Украину и Россию.

3. Универсальность Гоголя, художественным проявлением которой была общая для европейской цивилизации аксиология и литературные каноны, а интеллектуальным («Избранные места из переписки с друзьями») – общие для европейской мысли вопросы и проблемы, сочеталась с сугубо локальным – собственно узконациональным – восприятием драматичной, а порой и трагичной истории Украины, что обрело воплощение в романтическом нарративе «Тараса Бульбы». Возникает вопрос: насколько романтическая эйфория и эмоциональная одержимость повествователя (сопереживающего украинским персонажам) соотносилась с позицией самого автора.

Художественно-литературное и отрефлексированное, научно выверенное видение одних и тех же событий истории отнюдь не адекватны, что вполне естественно. Польско-украинский узел истории и культуры в интерпретации украинского современника Н. В. Гоголя – историка и этнографа Н. И. Костомарова – выглядит иначе, чем в «Тарасе Бульбе»: многопланово, а поэтому в меру адекватно истории и современности. В произведении Гоголя события и мифы жесточайшей войны казаков с поляками определяют тип повествования и саму позицию повествователя, заслоняя не только память об этническом симбиозе в Речи Посполитой эпохи Возрождения, но и особенности национально-политического сосуществования и культурного сотрудничества в той части Украины, которая после Переяславской Рады осталась в составе Речи Посполитой (не говоря уже о подписанном позднее в Гадяче акте украинской автономии в границах Польско-Литовской государственности).

«Тарас Бульба» – художественное воскрешение (и односторонняя – в духе романтизма – идеализация) лишь одной стороны польско-украинского прошлого: его обоюдной жестокости, обоюдной конфессионально-этнической нетерпимости, обоюдной ожесточенной одержимости, обоюдной кровавой резни – всего

того, что потрясло юного В. Г. Короленко до такой степени, что, как он вспоминал, привело его к отторжению своей украинскости и к обращению к русскости.

Глубоко национальное переживание драматичного, а порой и трагичного прошлого своего народа в атмосфере отнюдь не радужного его настоящего вызвало художественную реакцию Гоголя, аналогичную той, которая при обращении к тем же временам Г. Сенкевича вылилась в роман «Огнём и мечом». При всей своей патриотической направленности он сразу же подвергся критике польских поборников исторической правды.

Антиномия патриотизма и универсализма снимается на путях национально-культурного обращения к общим ценностям европейской цивилизации. В наши дни этот давний – гуманистический – тип мышления обретает воплощение в практической реализации столь же давней – универсальной – идеи общеевропейского дома.

Л. А. Мальцев (Калининград)

Гомбрович и Гоголь: опыт сопоставления

В докладе сопоставляются мировоззренческие основы творчества Гомбровича и Гоголя: аналогия их произведений заключается в карнавальном видении мира и человека, расхождение – в религиозности Гоголя и атеистических взглядах Гомбровича.

Опыт сопоставления осуществляется на примере поэмы Гоголя «Мёртвые души» и романа Гомбровича «Фердидурке»: общие традиции «плутовского романа», общая структура отступлений и вставных новелл, общие дантовские традиции изображения «ада». Объектом сопоставительно-противопоставительного исследования является «сельская» часть «Мёртвых душ» (образы помещиков) и «сельская» (заключительная) часть романа

«Фердидурке», в которой Юзек Ковальский посещает «добродушную тётушку» помещицу Хурлецкую.

Кардинальное отличие концепций Гоголя и Гомбровича заключается в поиске смысла и правды жизни у Гоголя, религиозно-нравственном восхождении главного героя Чичикова от «адского» к «райскому» бытию. У Гомбровича действие увенчивается не возвратом к утраченному смыслу, а «кучей малой», т. е. констатацией распада и абсурда бытия. Как следствие, выход из кругов ада становится невозможным.

А. Г. Машкова

Восприятие творчества Н. В. Гоголя в Словакии (до 1918 г.)

В сравнении с западной Европой, а также некоторыми славянскими странами (Чехия, Польша) в Словакии творчество Н. В. Гоголя стало известно значительно позже. Так, если в Чехии первые переводы гоголевских произведений появились уже в 30-е гг. XIX в., то словацкий читатель получил возможность познакомиться с ними только в конце 1860-х гг. Задержка обусловлена как факторами эстетического, так и общественно-политического характера. Отставание литературного процесса, несовпадение этапов развития русской и словацкой литератур, непопулярность сатиры, преимущественное распространение поэтических жанров – все это не способствовало популярности русского писателя в словацкой среде. Кроме того, выбор произведений русской литературы, которые переводились в середине XIX в. в Словакии, в значительной степени определялся наличием всеславянской идеи и идеализированной формой русофильства. Творчество Гоголя, остро критиковавшего российскую действительность, не соответствовало данным требованиям.

Вместе с тем, словацким романтикам, которые знакомились с Гоголем прежде всего в чешских переводах, был близок его интерес к фольклору, который штуровцы провозгласили «фундаментом» национальной литературы, а также к исторической тематике, активно разрабатываемой ими с целью поднятия национального духа. Данный факт подтверждает сопоставительный анализ повести «Тарас Бульба» с исторической прозой Я. Калинчака (1822–1871) и Й. М. Гурбана (1817–1888).

В 60–70-е гг. XIX в., по мере ослабления эстетики романтизма, её вытеснения реализмом, перед словацкой литературой встали новые идейно-эстетические задачи, в решении которых важную роль играли русские писатели, в том числе очень популярный в то время в Европе Гоголь. Именно тогда появляются первые переводы гоголевских произведений, в том числе выполненный М. Ш. Ферриенчиком (1825–1881) адаптированный перевод пьесы «Ревизор», которая была поставлена театральным коллективом в г. Мартин (1871) под названием «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

На рубеже XIX–XX вв. Гоголь становится одним из самых популярных русских писателей в Словакии, хотя русофильски ориентированные литераторы – прежде всего Св. Г. Ваянский (1947–1916) – по-прежнему относились к нему весьма неоднозначно, не желая мириться с направленностью гоголевской сатиры. Наряду с переводами гоголевских произведений, выполненных Й. Шкультеты, Я. Францисци, М. Кукучином, Ю. Маро и др., появляются обширные статьи о жизни и творчестве русского писателя, написанные С. Бодицким, Й. Шкультеты, Св. Г. Ваянским, С. Д. Стефановичем и др. Постепенно с Гоголем начинают соразмерять произведения словацкой литературы. Под его влиянием формируется словацкая сатира, в частности, творчество М. Кукучина (1860–1928), Я. Есенского (1874–1945), во многих произведениях которых прослеживаются гоголевские мотивы.

Н. В. Гоголь и М. Павич

Наибольший интерес к творчеству Гоголя в Сербии приходится на 70–90-е гг. XIX в. К 1871 г. были переведены почти все произведения Гоголя, его проза оказала огромное влияние на М. Глишича, С. Сремаца, Б. Нушича. Впоследствии увлечение Гоголем, обличителем и сатириком, несколько ослабло, однако, во второй половине XX в. некоторые сербские писатели-модернисты вновь обращаются к Гоголю – мистика и фантасту. Так, в романе М. Ковача «Моя сестра Элида» (1965), названном П. Палавестрой «аллегорической поэмой»¹⁸, повествователь во «Введении» сообщает, что «эта книга появилась на свет непосредственно после чтения Гоголя»¹⁹.

Милорад Павич – глубокий знаток русской литературы и его интерес к творчеству Гоголя не случаен. Писателей сближает обращение к мифу и фантастике, алогизму и парадоксу, гиперболе и гротеску. Герои Павича также скупают души («Пейзаж, нарисованный чаем»), вступают в общение с дьяволом («Хазарский словарь»), переживают раздвоение личности («Пейзаж, нарисованный чаем»), совершают загадочные необъяснимые поступки²⁰. Продолжение традиций Н. В. Гоголя в постмодернистской прозе М. Павича ещё раз свидетельствует о неисчерпаемости классики.

¹⁸ *Палавестра П.* Послератна српска књижевност. Београд, 1972. С. 308.

¹⁹ *Ковач М.* Моја сестра Елиза. Београд, 1965. С. 10.

²⁰ С. А. Гончаров отмечал: «Определение “загадочный” применяется к Гоголю и его творчеству чаще, чем к какому-либо другому русскому писателю». – Гоголь в русской критике. М, 2008. С. 663.

Встречи в земле «западных» славян: Гоголь в Вене в 1830-х гг.

Это доклад о том, чего не было: нет никаких свидетельств о встрече Н. В. Гоголя с Ернеем Копитаром – или вообще с кем-нибудь «западных» славян – во время его недолгих визитов в Вену в 1839 и 1840 гг. Возникает вопрос: как это могло случиться? Ведь в те времена Вена – своего рода очаг славянской культуры, население её тогда было на 75 % славянским, – а Гоголь, по словам И. И. Срезневского, был человеком, «любящ[им] всё славянское» и ещё больше «всё малороссийское», а среди венских славян было значительное количество русинов, «соплеменников» писателя. Также известно, что приезжающие в это время в габсбургскую столицу русские ученые, безусловно, заезжали к Копитару – в том числе и М. П. Погодин, приятель Гоголя и его спутник в первой венской поездке. Можно добавить, что Гоголя со словенским филологом объединяли многие интересы и страсти: к вопросам образования, к народной культуре вообще, к народным песням и т. д., – им было бы о чем поговорить!

Правда, для «невстречи» Гоголя с Копитаром имеются конкретные причины: во время венских поездок (летом 1839 и весной–летом 1840 гг.) Николай Васильевич был особенно озабочен личными делами (в частности – сочинением поэмы «Мёртвые души» и повести «Шинель», глубоким горем из-за смерти своего друга Иосифа Виельгорского весной 1839 г., серьёзной болезнью в 1840 г. и сопровождавшим её духовным кризисом). Но с другой стороны, Вена для него была чисто немецким – и именно по этой причине неприятным – городом: в письме С. П. Шевырёву от 10 сентября 1839 г. он жалуется на то, как скучно развлекаются местные немцы («... [они вечно только] пьют пиво и сидят

за деревянными столами, под каштанами»), в другом письме он сравнивает их с «необходим[ы]ми] насеком[ы]ми] во всякой русской избе», а во время болезни в 1840 г. замечает, что «умереть среди немцев мне показалось страшно» (письмо к Погодину от 5 октября 1840 г.). На самом деле Вена была для него местом одиночества и скуки, и кажется, что у него не было ни малейшего представления о «славянскости» этого города.

Но зато факт этой «невстречи» сам по себе интересен и говорит исследователю интеллектуальной истории много интересного. Во-первых, можно задаться вопросом, что значит для Гоголя слово «славянин»? Понимает ли он его так, как, скажем, Срезневский? Ведь последний всесторонне интересовался культурой всего славянства, как ученый занимался целым рядом самых разнообразных предметов от украинского фольклора до словенской диалектологии, был близко знаком с представителями интеллигенции многих славянских народов, включая Копитара, и т. д. С другой стороны, для Гоголя слово «славянский» обозначает чаще всего «восточно-славянский», если даже не «русский» исключительно, ведь когда он восхищается «нашей Малороссией», он явно смотрит на украинцев как на южно-деревенское ответвление русского народа. Правда, он был знаком с А. Мицкевичем и другими польскими поэтами, но более как с художниками слова, чем как с «братьями-славянами». А если он и упоминает приморских словенцев в странных письмах матери, написанных будто бы из Триеста (осенью 1839 г.), то они для него – просто «славяне, которые почти говорят по-русски», или на диалекте, во всяком случае, довольно похожем на украинский. Вряд ли это предполагает какую-нибудь особенную «любовь к всему славянскому»! (В этой связи, русские и габсбургские славяне вообще понимали «славянское» по-своему, что было причиной разных недоразумений. Таким образом, можно сказать, что и здесь Николай Васильевич предлагает ещё один оригинальный вариант!)

Во-вторых, Гоголь во многом идет вразрез с русской мыслью своей эпохи, что проявится особенно ярко семь лет спустя при публикации «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Американский славист-литературовед Виктор Эрлич называет Гоголя-мыслителя «эпигоном эры Александра I», т. е. умственным анахронизмом для конца 1830-х гг. Как доказали события 1847 г., он был в остром разладе с новыми радикальными течениями, во главе которых стоял Виссарион Белинский. Но он не примкнул также и к славянофилам, хотя имел больше сочувствия к их взглядам, и некоторые из них были его близкими друзьями. Другими словами, если Погодин, Языков, и др. разыскивали «западных» славян, когда они путешествовали по Австрийской империи, то Гоголю это даже не приходило в голову. Здесь можно также предположить, что он не питал особых симпатий к новой идеологии национализма, формировавшейся тогда в Средней Европе.

Как ни иронично, в этом у Н. В. Гоголя есть нечто общее с Ернеем Копитаром, так пренебрегавшим национальным партикуляризмом нового поколения, и было бы любопытно вообразить, какой была бы их встреча. По правде говоря, трудно себе представить большую симпатию между ними: ведь первый – художник-романтик с довольно мистическим складом ума, а второй – ученый с весьма скептическим менталитетом эпохи позднего Просвещения. (Обойдем молчанием вопрос о совместимости двух таких сильных, странных личностей!) Зато, как уже было отмечено, существовали некоторые общие интересы, – тем для возможных разговоров было бы немало, – и также не исключено, что их мнения сошлись бы в принципиальных вопросах. В этой связи интересно, что В. Эрлич видит в мысли украинско-русского писателя нечто сходное с философией немецкого писателя XVIII в. Юстуса Мёзера, который оказал известное влияние на молодого Копитара.

Наконец, есть во всем этом и трагическая сторона: Гоголь был роковым образом изолирован в русской культуре своего

времени. Он был «малороссийским» писателем, пишущим по-русски; фольклористом-романтиком, которого считают передовым реалистом; русским патриотом, живущим в любимом им Риме; в Италии он был «русский», а в России «итальянец» или даже «русский испанец» (как колоритно выразился Срезневский в 1839 г.). И тут сразу вспоминается Копитар: в конце 30-х гг. XIX в. он тоже был одиноким: крайний словенец, живущий в Вене; идеолог «славянского» языка, пишущий по-немецки; слишком консервативный для молодого поколения романтиков, а для властей подозрительно либеральный; для немцев – славянский патриот, а для молодых чехов – враг славянства; «иезуитский католик», которого некоторые считали агентом русской церкви; и наконец, тоже эпигон прошедшей эпохи. Как бы общались друг с другом Копитар и Гоголь, если бы они встретились? Можно ли даже представить себе столкновение двух таких отчаянных чудачков?! Да, можно: между ними удивительно много общего, и кто знает, может быть, такой встречей утешились бы оба.

Камен Михайлов (София)

Петко Славейков и Николай Гоголь – контекст понимания (о первом переводе «Мёртвых душ» в Болгарии XIX в.)

Доклад по данной теме будет включать архивные материалы о переводе гоголевских «Мёртвых душ» на болгарский язык Петко Славейковым. Вижу свою задачу в рассмотрении переводческой работы болгарского писателя с конкретным текстом оригинала – что и как он выбирал для болгарской читательской аудитории, какой тип переводов демонстрировал, как воспроизводил особенности литературного русского языка (нормативный формат)

на болгарском языке (ненормативный формат). Необходимо также проследить судьбу этого перевода и его роль в русско-болгарских литературных связях XIX в.

Весна Мойсова-Чепишевская (Скопье)

Читается ли (и как) Гоголь сегодня?

Справедливо считается, что так называемая фантастика абсурда впервые замечена в гоголевском «Носе» (1836). В XX в. путь русского романтика с успехом продолжил Франц Кафка, чей рассказ «Превращение» становится парадигмой упомянутого типа фантастики.

Потребность осветить зарождение македонской фантастической прозы спровоцировала необходимость перечитать Гоголя. Её появление датируется началом 50-х гг. XX в., когда фантастика как жанр стала привлекать и македонских писателей. В те годы наряду с фантастическими литературными произведениями и в области критики появились исследования Димитра Солева, который противопоставлял фантастику однолинейному реализму. В своем эссе «Реализм и фантастика», посвященном критическому разбору рассказа Кафки «Превращение», Солев первым в нашей культуре заговорил не только о феномене фантастики, который в то время ещё не был прояснен, но и о соотношении фантастики и реализма²¹. С другой стороны, Гоголь интересен для македонских деятелей культуры и благодаря своему стремлению собирать народное творчество – в рамках более широкого интереса романтиков к фольклору. Этому примеру следуют многие авторы из балканских и других славянских культур, в которых сильна и влиятельна фольклорная традиция (среди них и наш Марко Цепенков).

²¹ Солев Д. Реализм и фантастика // Разгледни. Скопје, 1955. Бр. 14.

Однако Гоголь и сегодня, в начале XXI в., довольно провокативен. Его рассказ «Нос»²² всё ещё является истинным примером хорошо организованной, структурированной прозы. От него можно научиться тому, как сделать из одной конкретной метафоры целую историю. Его «Нос» – истинный пример такого рода. Вместе с тем книга Иосифа Новаковича «Мастерская для письма / сотворение фикации» нам помогла ещё раз в новом свете увидеть все положительные стороны прозы такого рода.

Перевод с македонского М. Смольяниновой

Франциско Молина-Морено (Мадрид)

Гоголевские русалки: воспоминания о «Майской ночи» в Полесье

Предметом настоящего доклада стало изучение возможных взаимосвязей между письменной литературой и устной традицией: на основе материалов, собранных с 1974 по 1989 гг. экспедициями Института славяноведения и балканистики (тогдашней) АН СССР, под руководством академика Никиты Ильича Толстого, будет проведено сравнение гоголевской повести «Майская ночь, или утопленница», с тем, что рассказывается о русалках в устном народном творчестве Полесья,

Разумеется, мы не можем пользоваться полученными во время проводимых Н. И. Толстым экспедиций свидетельствами для решения вопроса о том, оставался ли Гоголь верен доступной ему устной традиции. Для этого следовало бы изучить источники восточнославянского устного народного творчества, относящие к периоду до 1831 г., когда были опубликованы «Вечера на хуторе

²² Опубл. в сб.: Гоголь Н. В. Раскази. Скопје, 2005.

близ Диканьки», куда включена «Майская ночь, или утопленница». Тем более было бы целесообразно уделить особое внимание Полтаве, где родился Гоголь, а не Полесью.

Мы поставили перед собой другую задачу: рассмотреть, повлиял ли Гоголь на устную традицию Полесья или нет. Для ответа на этот вопрос мы начали с сопоставления гоголевской повести и данных, полученных от полесских информаторов. Совпадения могут быть вызваны различными причинами, о которых не следует забывать:

а) Информаторы знали повесть Гоголя. Для подтверждения этой гипотезы нужно было бы изучить степень грамотности и распространения письменной культуры в Полесье.

б) Более вероятным кажется предположение, что Гоголь использовал устную традицию своего времени, которая могла бы совпадать в определенных мотивах с тем устным народным творчеством Полесья, что сохранилось до времени, когда Н. И. Толстой и его сотрудники проводили свою работу. Здесь важно изучить максимально приближенную ко временам Гоголя литературу по этнографии и фольклористике восточнославянского ареала, однако, большинство работ появилось уже во второй половине XIX в., т. е. намного позже повести Гоголя. Вынужденно оставляя на будущее эту сторону вопроса, мы сконцентрируем своё внимание на первом шаге исследования – на сравнении повести Гоголя с быличками Полесья.

При сопоставительном изучении полесских текстов и повести Гоголя можно выявить, что повесть Гоголя содержит:

а) Некоторые мотивы, присутствующие и в устной традиции Полесья о русалках: это девушки, которые закончили свою жизнь самоубийством, бросившись в воду; у них русые волосы, белая одежда, их можно видеть уже в мае, лунными ночами, когда они выходят из воды, водят хороводы, заманивают людей в воду, но также могут и вознаграждать их, когда люди им помогают.

б) Мотивы, не обнаруженные в Полесье, но появляющиеся в источниках, которые Гоголь мог знать до публикации своего сочинения: например, русалки, загадывающие загадки и угрожающие тем, кто их не решает.

в) Мотивы, о которых Полесский Архив не свидетельствует, но которые могли бы быть известны полесскому читателю, например, защищенность ведьм перед русалками.

г) Мотивы, совсем чужие текстам Полесского Архива, как, например, бледность, прозрачность кожи; драгоценности, которыми украшаются русалки; близость к Луне; возможность показываться в доме, в котором жили до смерти.

Проведенные сопоставления дают возможность предположить, что полесские информаторы могли бы называть гоголевскую «утопленницу» русалкой. Отсутствие отдельных гоголевских мотивов в фольклоре Полесья может косвенно указывать на то, что Гоголь не влиял на полесскую устную традицию. Следует всегда помнить, что задачи Гоголя как писателя должны были отличаться от целей этнографа или фольклориста; в интересующей нас повести нет даже намёка на использование устной традиции как литературного приёма (в отличие от повести «Вий»).

Могли бы общие мотивы, которые присутствуют и в полесских быличках, и в повести Гоголя «Майская ночь, или утопленница», придти в Полесье через влияние писателя? Маловероятно, хотя окончательный ответ может дать изучение этнографической литературы о Полесье на предмет наличия там таких мотивов до выхода в свет гоголевской повести. Пока можно сказать одно: согласно сведениям, полученным нами из письма заведующей Отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, Светланы Михайловны Толстой (от 15 марта 2009 г., по электронной почте), участвовавшей и в Полесских экспедициях, информаторы, рассказывавшие о русалках, были мало грамотными, и вряд ли читали Гоголя. Хотя и нельзя исключить влияния

письменной литературы, но по информации, которой мы располагаем, кажется более правдоподобным то, что мотивы, присутствующие и в текстах Полесского Архива и у Гоголя, присутствовали и в устной традиции гоголевских времён, они вдохновляли писателя и продолжали жить дальше, вплоть до того времени, когда Никита Ильич Толстой и его сотрудники проводили свои исследования в Полесье.

И. Р. Монахова

Украинские и русские народные песни в жизни Н. В. Гоголя

Фольклор в разнообразных его проявлениях имел большое значение для Гоголя. Это относится, в частности, и к песням. Вообще тема «Народные песни в жизни Н. В. Гоголя» имеет ряд аспектов. Это, прежде всего, влияние украинского песенного фольклора на творчество Гоголя («Вечера на хуторе близ Диканьки», «Тарас Бульба»). Кроме того, Гоголь занимался собиранием украинских и русских народных песен. Но, помимо этого, Гоголь ещё и просто любил послушать народные песни, а при хорошем расположении духа – и спеть. Это его увлечение украинскими, а затем и русскими народными песнями продолжалось всю жизнь.

В докладе рассматривается только один из этих аспектов: восприятие Гоголем народных песен в последний период его жизни, а именно в 1849–1852 гг., когда он поселился в Москве. Эта сторона жизни Гоголя освещается, в частности, в воспоминаниях и письмах его современников (С. Т. и В. С. Аксаковых, Г. П. Данилевского, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича и др.). Данные материалы позволяют лучше понять настроения и облик Гоголя в то время.

Новизна темы состоит в том, что, обратив внимание на интерес Гоголя к народным песням, можно несколько скорректировать укоренившееся среди многих исследователей и широкого круга читателей представление о «позднем» Гоголе как о человеке мрачном, странном, нелюдимом и чуть ли не больном. В воспоминаниях современников о Гоголе, касающихся его увлечения народными песнями, он предстает человеком, любящим искусство, приветливым, полным творческих сил – словом, прежним Гоголем. Таким образом, обобщая эти материалы, можно создать более объективное представление о последнем периоде жизни писателя.

В. В. Мочалова

Славянская тема у Гоголя

Интерес Гоголя к славянской истории, в частности, к истории Украины выразился в его попытке составить исторический труд, над которым он работал с ноября 1833 г. по январь 1834 г.: «Теперь я принялся за историю нашей единственной бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу её, что я скажу много того, что до меня не говорили»²³.

В докладе на материале таких произведений, как «Взгляд на составление Малороссии» («Арабески»), «Отрывок из истории Малороссии. Том I, книга I, глава 1» (журнальная публикация) предполагается осветить взгляды Гоголя на происхождение славян, обстоятельства их исторического существования, русско-украинские, польско-украинские отношения.

²³ Письмо к М. А. Максимовичу от 9.11.1833 // *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений. В 14 тт. М.–Л., 1937–1952. Т. 10. С. 284.

Будут рассмотрены исторические источники (польские и украинские), к которым обращался Гоголь, причины его разочарования в них ²⁴; использование фольклорных источников (статья «О малороссийских песнях», 1834).

Особое внимание будет уделено исторической повести Гоголя в контексте его исторических концепций и изысканий.

С. Ф. Мусиенко (Гродно)

Сатирический эффект Н. В. Гоголя в «Набросках углём» Г. Сенкевича

Н. Гоголь (1809–1852) и Г. Сенкевич (1846–1916) принадлежали к разным литературным эпохам, каждая из которых выработала присущие ей эстетические ценности, нравственные критерии и проблемно-тематическое воплощение жизни в искусстве. Это различие сказалось на развитии польской и русской литератур XIX в. Для гоголевского периода было характерно гротескно-сатирическое видение действительности, критика крепостного права и бюрократической машины Российской империи.

Для эпохи Сенкевича в польской литературе одной из важнейших проблем была критика России как страны, поправшей свободу Польши. Это определило особенности отношения Г. Сенкевича и к самой России, и к русской литературе. Он открыто декларировал свою неприязнь к стране, русскому языку и русской культуре. И всё же, анализ творчества польского писателя убедительно доказывает, что он не только хорошо знал русский язык и русскую литературу, но активно использовал её традиции в своём творчестве.

²⁴ *Машинский С.* Историческая повесть Гоголя. М., 1940. С. 183–189; *его же.* Гоголь. 1852–1952. М., 1951.

Можно утверждать, что в творчестве раннего Сенкевича прослеживается преемственность юмористических и сатирических традиций Н. В. Гоголя.

Сенкевич, подобно Гоголю, высмеивает и обличает два типичных явления: «оглупление», а точнее одурманивание человека, живущего в системе социально-политического абсурда, и власти над человеком абсурдной же государственной машины бюрократии. В этом плане показательно влияние традиций Гоголя, сложившихся в его петербургских повестях, на «Наброски углём» Сенкевича.

Что касается жанровых особенностей «Набросков углём», то в них легко прослеживается связь с гоголевскими «Вечерами на хуторе близ Диканьки», проявившаяся в:

а) сходстве роли и функций повествователя (Руды Панько у Гоголя, безымянный рассказчик у Сенкевича);

б) концепции героя – показе жизни «маленького человека», представляющего своеобразный социальный типаж, а также в индивидуальных характеристиках героев из социальных низов (жители хутора Диканьки у Гоголя, жители деревни Баранья Глова у Сенкевича);

в) характере повествования и его эволюции от комизма характеров и ситуаций к сатирическому осмеянию системы и институтов бюрократической власти, приведших к трагедии «маленького человека» (галерея персонажей в петербургских повестях Гоголя, семья Репы в «Набросках углём» Сенкевича).

Следует учесть, что каждый из писателей передает национальное своеобразие характеров своих героев и добивается сатирического эффекта повествования, органичного для русской и польской литератур XIX в.

Чешские писатели о русской литературе и творчестве Гоголя

В докладе рассматриваются характерные аспекты восприятия творчества Н. В. Гоголя чешскими писателями, представляющими разные этапы литературного процесса. Отмечается повышенное внимание к гоголевскому творчеству в связи с осмыслением чешскими авторами состояния и перспектив развития собственной отечественной литературы. В эпоху национального возрождения уже сам факт стремительного взлета и расцвета русской литературы, до того малоизвестной в Западной Европе, а теперь так ярко заявившей о себе – прежде всего в творчестве Пушкина и Гоголя, – воспринимался как подтверждение плодотворного культуротворческого потенциала и других славянских народов, литературное развитие которых было ослаблено и задержано несколькими веками национального гнёта. Творческие достижения Гоголя не случайно привлекали внимание при обсуждении вопросов национальной самобытности и оригинальности литературы, её социальной активности, проблем реализма и т. д. (К. Гавличек-Боровский, Я. Неруда, В. Галек и др.).

Большой интерес представляют наблюдения Карела Чапека, который прекрасно знал и высоко ценил русскую литературу, в том числе произведения Гоголя, а русский роман выделял в качестве совершенно особого явления в мировой литературе, обладающего ему одному присущими достоинствами, которые обуславливают и особый характер и механизм самого его восприятия читателем. На опыт русской литературы Чапек ссылался в своих философских эссе о гуманистической миссии художественной литературы, о критериях мировых литературных ценностей, в размышлениях о литературных влияниях и т. д.

Гоголь и словенцы

Почти целое столетие прошло с тех пор, как формальная школа заложила основы современного научного литературоведения. В основном это было сделано на материале классической русской литературы, в том числе и произведений Гоголя, у которого его установка на живую устную речь выдвигалась как *differentia specifica* литературности. Живая устная речь, сказ, речевая маска – об этом в связи с Гоголем писали многие и тут, кажется, добавить уже нечего. Однако, если тот же вопрос о значении живой устной речи и живого голоса поставить в связи с вопросом о значении писателя вне рамок русской литературы, можно указать на некоторые особенности восприятия творчества Гоголя в других культурах, в том числе и в словенской, вытекающие именно из основных характеристик художественного метода автора.

М. Б. Проскурнина

Гоголевский гротеск в романах Влады Урошевича и Эрмиса Лафазановского

Художественная литература тяготела к гротеску на протяжении практически всего своего существования, в той или иной степени он свойствен многим крупным художественным произведениям, в которых может выступать системным фактором поэтики или же быть «гротескным отблеском»²⁵. Особое место в ряду ярчайших гротескных явлений мировой литературы занимает творчество Н. В. Гоголя, необыкновенным образом создавшего особый

²⁵ Манн Ю. Искусство гротеска (о повести Н. В. Гоголя «Нос»). М., 1957.

художественный мир, «отблески» которого можно увидеть в произведениях многих авторов разных национальных литератур. Македонская литература не стала исключением. Произведения Гоголя переведены на македонский язык, его пьесы ставятся в театрах Скопье, Штипа, Битола, многие македонские прозаики и драматурги испытали на себе влияние этого писателя.

Авторы, о которых пойдет речь, представляют два далёких друг от друга поколения македонских писателей. Влада Урошевич (р. 1934) – поэт, прозаик, литературный критик, искусствовед, переводчик, блестящий знаток языков, русской литературы, академик Македонской академии наук и искусств, член македонского ПЕН-центра, член Союза македонских писателей с 1961 г. Творчество Урошевича связывают с модернистскими тенденциями в македонской литературе. Дистанцируясь от прямого изображения реальности, он обращается к фантастике, стирая границы между воображаемым и реальным. Наиболее значимым произведением является роман «Вкус персиков» (1965), названный авторитетным македонским литературоведом Миланом Гюрчиновым высшим достижением поэтического романа в македонской литературе. Новейший роман Урошевича «Невеста змея» (2008) продемонстрировал иную грань таланта классика македонской литературы XX в. Это произведение, построенное по законам постмодернистских текстов, основанных на обильном (эксплицитном и имплицитном) цитировании. Интертекстуальная «база» этого романа – творчество известного македонского собирателя фольклора Марко Цепенкова (1829–1920). Автор ведет виртуозную игру с фольклорной традицией македонской сказки, встраивая её в современный литературный контекст.

Другой автор – Эрмис Лафазановский (р. 1961), «виртуоз гротеска и мастер каламбура»²⁶. Он вошёл в литературу в 1992 г. с рассказами, а его романы «Аристократ» (1997), «Роман

²⁶ См.: *Лафазановски Е.* Роман за орузјето. Скопје, 2003.

об оружии» (2003), «Храпешко» (2006) принесли писателю популярность у массового читателя, который получил возможность окунуться в стихию карнавального юмора, основанного и на фольклорной, и на собственно литературной традиции.

Поэтика романов Урошевича и Лафазановского ориентирована на использование и одновременное травестирование разнообразных традиций гротескного постижения мира. Ярko выраженной представляется «просвечивающая» гротескно-сатирическая линия русской литературы. Речь идет о существенном влиянии на стилистику македонских авторов творчества Н. В. Гоголя (а через Гоголя – и М. А. Булгакова), что вполне возможно не только на уровне типологических схождений, но и принципиального воздействия русской литературы на македонскую в целом. Кроме того, можно говорить и о влиянии Урошевича – писателя старшего поколения, для которого воздействие русской классики на его творчество было совершенно органично, на своего молодого коллегу. Гоголевские интонации пронизывают роман Урошевича «Невеста змея», произведения Лафазановского «Аристократ», «Храпешко». Это касается, например, позиции рассказчика, которая, как правило, строится у обоих авторов по принципу двойного кодирования, как это было в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя. Имеется в виду сложная множественность рассказчика в романах Урошевича и Лафазановского: перед нами то всезнающий автор, то повествователь, герои которого не слишком-то подчиняются его воле, а чаще поступают по собственному усмотрению или же в соответствии с «не зависящими» от автора обстоятельствами. Конечно же, это уловка, причём уловка чисто гротескная, рождающая парадоксальные взаимоотношения между автором и героем, реальностью текста и внетекстовой действительностью.

На поле гротескного воспроизведения прошлой и современной национальной жизни можно сопоставить творчество двух

македонских авторов, принадлежащих разным поколениям, а следовательно, и во многом разным культурным контекстам, но вместе с тем ориентированных на восприятие и своеобразную переработку на национальной почве четырехмерной, по словам В. Набокова, взорвавшей «эвклидов мир литературы» гротескной гоголевской художественной линии.

Науме Радический (Скопье)

«Вий» Гоголя и мифологические персонажи македонской народной и художественной литературы

1. Ставя рядом рассказ Н. В. Гоголя «Вий» и некоторые произведения македонской народной и художественной литературы, в которых обнаруживаются мотивы и темы, пришедшие из народной демонологии македонцев, мы входим, по сути, в рискованную сферу сопоставления на первый взгляд неравнозначных явлений.

2. В ряду если не исключительно важных, то необычайно интересных рассказов Н. В. Гоголя, таких как «Шинель», «Нос» или «Сорочинская ярмарка», не может не оказаться и рассказ «Вий». Это так, ибо исключительная и манящая загадочность этого рассказа, а также особый творческий подход великого писателя к магическим глубинам украинского фольклора заслуживают особого внимания. И до сих пор эта тема представляет интерес для науки.

3. Отталкиваясь от связи гоголевского «Вия» с украинской демонологией и – шире – с демонологией восточных славян, мы можем обнаружить и очевидные следы древних славянских верований. На восточнославянской почве это проявилось особенно

ярко, поскольку здесь христианская религия не относилась слишком сурово к следам прежней славянской мифологии и вплоть до нового времени встречались люди, поклоняющиеся старославянским божествам. О южных славянах этого сказать практически нельзя.

4. Если мы связываем гоголевское творческое изображение поверий украинского народа с универсальным интересом романтизма к фольклору и народным верованиям вообще, что в первые десятилетия XIX в. исключительно ярко проявилось во всей Европе, то это приводит нас к необходимости искать следы подобных мифологических персонажей в произведениях и других авторов, в том числе и у македонских писателей XIX–XX вв. Опираясь на дифференциацию мифологических персонажей, представленную в работах С. Зечевича, мы обращаемся прежде всего к двум типам: демоническим существам в человеческом облике и людям с демоническими чертами.

5. Наше исследование, основанное на аналитическом сопоставлении гоголевского рассказа и македонской народной и художественной литературы, направлено, с одной стороны, на возможную разгадку образа украинского Вия, а с другой – на поиски соответствующих Вию мифологических существ в македонском народном творчестве. В этом смысле особенно интересен Марко Цепенков, известный собиратель фольклора, с его вампирскими сказками, который интересен, как и Гоголь, с точки зрения своего индивидуального творческого подхода к народному творчеству. Подобные результаты креативного преобразования фольклора можно обнаружить и в произведениях современных македонских писателей, например, Влады Урошевича (роман «Невеста змея», 2008) и др.

Перевод с македонского М. Проскурниной

Творчество Н. В. Гоголя в македонской литературной и культурной среде

Исходя из исторического факта, что Македония обрела государственность на правах федерации, войдя после Второй мировой войны в состав СФРЮ, автор статьи выделяет два периода изучения творчества Н. В. Гоголя в македонской литературной и культурной среде. Первый период начинается с середины XIX в. и продолжается до конца Народно-освободительной борьбы, а второй – с середины XX столетия и продолжается по сегодняшний день.

В первый период творчество Гоголя воспринималось македонскими деятелями эпохи национального возрождения и интеллигенцией опосредованно, когда его произведения читались на русском, а также на сербско-хорватском или болгарском языках. Автор указывает, что несмотря на то, что македонские студенты читали и любили русских писателей, мы не располагаем конкретными данными о том, какое влияние оказало творчество Гоголя на македонцев, живших и учившихся в этот период в России. Речь идет о братьях Андрее и Константине Петковичах, Константине Миладинове и Райко Жинзифове и др. Имя Гоголя впервые упоминается Михаилом Сматракалевым – одним из основателей Македонского литературного кружка, который работал в Болгарии с 1938 по 1941 гг.

Кроме того, известно, что один из македонских поэтов – Ацо Караманов, погибший во время Второй мировой войны, – в одном из своих программных текстов, в ряду русских писателей, которых он читал, называет и Гоголя.

Во второй период, начинающийся с окончанием Народно-освободительной борьбы, когда македонский становится официальным языком в Республике Македония, происходит непосредственный

контакт македонских писателей и читателей с творчеством Гоголя как на русском, так и в переводах на родной язык.

Гоголь становится одним из самых любимых и переводимых русских писателей в македонской литературной и культурной среде. Первыми на македонский язык были переведены «Шинель», «Тарас Бульба», «Ревизор», – они вышли в свет в 1947 г. Кроме того, Гоголь стал одним из наиболее изучаемых русских писателей в учебных заведениях республики, а его «Ревизор» не сходит со сцены македонских театров.

Автор статьи останавливается на всех переводах произведений Гоголя на македонский язык, обращая особое внимание на его пятитомное собрание сочинений, которое вышло в Скопье в 1981 г.

Автор доклада прослеживает и научно-исследовательскую литературу о творчестве Н. В. Гоголя, появившуюся в Республике Македония, причём указывает на то, что на кафедре славистики Филологического факультета им. Блаже Конеского в Университете им. Свв. Кирилла и Мефодия (Скопье) в 1976 г. была защищена единственная в Македонии докторская диссертация на тему: «Литературно-творческий подход Гоголя (своеобразие и внутренний потенциал)». На этой же кафедре изучение творчества Гоголя входит во все учебные программы по русской литературе XIX в. Несколько профессоров Филологического факультета, включая и автора этого доклада, посвятили Гоголю свои научные статьи.

Насколько творчество Гоголя актуально сегодня, говорят и такие факты: в год юбилея о нём много писали в македонских газетах, Македонский Национальный театр отметил 200-летие со дня его рождения постановкой «Женитьбы», а недавно в одном из столичных кинотеатров был показан фильм «Тарас Бульба» по одноименной повести Гоголя.

Н. В. Гоголь в культурной жизни русских эмигрантов в Чехословакии в 1920–1930-е гг.

Русские эмигранты, которых в Чехословацкой республике насчитывалось до 30 тыс., не только вели борьбу за выживание и существование, не только занимались антисоветской политической и пропагандистской деятельностью, но жили активной общественной жизнью, продолжая культурные и научные дореволюционные традиции.

Н. В. Гоголь наряду с А. С. Пушкиным и другими классиками русской литературы занимал ведущее место в культуре Русского Зарубежья.

Уже в июне 1919 г., когда только-только было создано объединение – Чешско-русская Еднота, – на так называемых русских художественных вечерах ставились инсценировки и читались отрывки из произведений Н. В. Гоголя. В ноябре того же года Чешско-русская Еднота организовала литературный вечер, посвященный Н. В. Гоголю, И. С. Тургеневу, А. В. Кольцову и И. С. Гончарову, где с докладом выступил чешский историк литературы, фольклорист, профессор Карлова университета (позднее, в 1945–1948 гг., посол ЧСР в Советском Союзе) Йржи Горак.

На сценах чешских и словацких театров шли спектакли по произведениям Гоголя, в том числе и в постановке русских режиссёров и в исполнении русских артистов. 7 марта 1920 г. на сцене Национального театра режиссёр Ю. Э. Озаровский поставил «Ревизора». Того же «Ревизора» в постановке В. Владимирова с участием артистов Первого пражского русского театра пражане могли увидеть в 1933 г. на сцене Мещанской беседы, а жители Ужгорода и Мукачево – во время летних гастролей театра в том же году.

В январе 1921 г. Товарищество русских оперно-драматических артистов под руководством В. Х. Владимирова при Чешско-русской Едноте поставило на сцене Мещанской беседы гоголевскую «Женитьбу», которая практически все 1920-е гг. шла на разных театральных площадках, в том числе и в провинции: осенью 1925 г. «Женитьбу» Гоголя с участием артистов В. Н. Павлова, М. А. Крыжановской, П. Ф. Шарова и др. увидели в Градце Кралоу. Произведениями Гоголя увлекались как профессиональные театры (гастролировавший МХТ, затем не вернувшаяся в Советский Союз его Заграничная группа), так и любительские коллективы. В 1929 г. театральный кружок, состоявший из учащихся Русской реформированной реальной гимназии в Моравской Тршебове, поставил под руководством Г. А. Савельева «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». В 1931 г. в Смиховском театре Праги шёл «Ревизор» в исполнении Заграничной группы МХТ под руководством Павлова. 4 июня 1939 г. в Доме стародружинников был показан детский литературно-музыкальный спектакль Русских курсов при Русском свободном университете с отрывками из «Мёртвых душ» Гоголя.

Жизнь и творчество Гоголя широко изучалось в эмиграции историками, философами, литературоведами, лингвистами и представителями других профессий. В феврале 1922 г. философ, юрист, профессор Московского университета, основатель Русского юридического факультета в Праге и профессор Русского народного университета П. И. Новгородцев выступил с докладом «Н. В. Гоголь и его переписка с друзьями» в брненском филиале Чешско-русской Едноты. Через год историк и служитель церкви, педагог Я. Н. Ктитарев (о. Иоанн) в Студенческом доме прочел лекцию «Н. В. Гоголь». В июле 1923 г. в Национальном доме на Виноградах союз «Червонная Русь» провел третий литературный концерт, где с лекцией «Народная песня в произведениях Гоголя» выступил поэт В. Р. Ваврик.

Профессор Русского народного университета, философ, священник В. В. Зеньковский в мае 1925 г. в Русском доме в рамках семинара по изучению Достоевского сделал доклад «Гоголь и Достоевский (проблема подполья)». Со сравнением творчества Гоголя и Достоевского Зеньковский выступил ещё раз в кружке русской колонии в Черношицах. В апреле 1926 г. историк и писатель Е. Ф. Шмурло на собрании Русского исторического общества выступил с докладом «Несколько новых данных к биографии Н. В. Гоголя». В ноябре 1926 г. литературовед, критик и педагог, известный знаток творчества Ф. И. Достоевского А. Л. Бем также сравнивал произведения Гоголя «Нос» и Достоевского «Двойник». В декабре того же года в Русском историческом обществе А. Л. Бем снова сопоставил двух писателей, выступив с докладом «К вопросу о влиянии Гоголя на Достоевского». Эту тему продолжил психиатр, философ, литературовед Н. Е. Осипов, представив в Русском народном университете лекцию «Страшное у Гоголя и Достоевского». В феврале 1928 г. тот же университет организовал доклад историка литературы и издателя профессора Е. А. Ляцкого «Гоголь в борьбе с самим собой». В июне того же года музыковед и литературовед профессор И. И. Лапшин в РНУ прочитал лекцию «Эстетика Гоголя», а в октябре и декабре следующего года РНУ организовал два доклада литературоведа Р. В. Плетнёва «О диалектизмах в литературе первой половины XIX в., в особенности у Гоголя». В 1933 г. Плетнёв выступил в Русском историческом обществе с докладом «Реализм и романтизм у Гоголя». 14 апреля 1934 г. на семинаре по изучению русской грамматики и стилистики Русского свободного университета был заслушан доклад переводчика В. В. Перемилковского «Ошибки писателей (Гоголь)».

6 июня 1934 г. ежегодный (с 1925 по 1943 г., с перерывом в 1939 г.) «День русской культуры» был целиком посвящён Н. В. Гоголю. Чешско-русская Еднота и Комитет «Дня русской

культуры» организовали в рамках празднества доклады Й. Горака и С. В. Завадского, юриста и литературоведа, в Городской ратуше. 8 июня состоялся вечер памяти Н. В. Гоголя в Мещанской беседе. В ходе вечера учащиеся Русской пражской гимназии показали сцены из пьесы «Женитьба», а оперная секция им. Мусоргского при РНУ исполнила отрывки из опер «Сорочинская ярмарка» М. Мусоргского и «Ночь перед Рождеством» Н. Римского-Корсакова.

Имя Гоголя объединяло и спланивало выходцев из России. Не случайно общество украинских и белорусских студентов «Единство русской культуры» выступило в январе 1925 г. с декларацией против «искусственно возбуждаемого взаимного отчуждения» русских, украинцев и белорусов – в защиту культурного единства.

М. Г. Смольянинова

Н. В. Гоголь и болгарская литература эпохи возрождения

Творчество Н. В. Гоголя привлекало пристальное внимание болгарских писателей и критиков эпохи национального возрождения. Его произведения переводили поэт Петко Рачев Славейков и критик Нешо Бончев. Последний не только перевёл на болгарский язык повесть Гоголя «Тарас Бульба», но и написал статью о жизни и творчестве писателя, опубликовав её в 1872 г. в журнале «Периодическо списание».

В произведениях прозаиков эпохи возрождения весьма ощутимо влияние Н. В. Гоголя. В повести «Ученик и благодетели» (1864) Васил Друмев, создавая образы «благодетелей», ищет, подобно Гоголю, фамилии, которые бы ярко характеризовали его персонажей. Внешняя характеристика помогает болгарскому

писателю показать внутреннюю сущность людей. Родственна Гоголю и свободная манера друга-собеседника, принятая автором болгарской повести по отношению к читателю. Важная роль в произведении принадлежит лирическим отступлениям, в которых непосредственно проявляется и звучит его субъективная оценка действительности и героев. Любен Каравелов применял некоторые художественные приёмы Гоголя в своих ранних рассказах (стилизация народной речи, использование вводных эпизодов, повествующих о рассказчике, комический пафос в описании действующих лиц). Сюжет повести «Болгары старого времени» (1867) отчасти напоминает сюжет гоголевской «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Однако от копирования отдельных приёмов болгарский писатель быстро перешел к овладению реалистическим типом творчества. В конечном итоге именно в этом и выразилось влияние Гоголя. Болгарские писатели не только поняли новаторское значение прозы Гоголя для русской литературы, но и учились у него, проявив себя талантливыми учениками, выросшими в первоклассных самобытных болгарских писателей.

Ю. А. Созина

Гоголь на страницах словенских литературных журналов «Люблянски звон» и «Дом ин свет» (конец XIX – первая половина XX в.)

Можно предположить, что знакомство словенской интеллигенции с произведениями Н. В. Гоголя состоялось довольно рано. Многие образованные люди XIX века следили за литературной и – шире – культурной жизнью России, были в курсе актуальных тогда веяний и достижений. Благодаря случайно попавшим в руки отдельным номерам петербургских и московских журналов,

переписке и личным контактам реже с русскими, а чаще с другими славянами, австрийскими подданными, видными литераторами и общественными деятелями, благодаря книгам, щедро посылаемым различными благотворительными обществами, словенцы знали о «малоросском» самородке, великом российском писателе, ещё при жизни снискавшем сначала симпатию, а затем и признание многих своих современников.

К концу XIX в. в словенской периодике публикуются переводы отдельных повестей Н. В. Гоголя. Так, первая газета на словенском языке «Кметийске ин рокоделске новице» («Крестьянский и ремесленнические новости»), которую в 1843 г. основал д-р Янез Блейвейс (1808–1881), – «отец народа», как его зачастую называют, – в 1883 г. публикует «Портрет», а в 1884 г. «Ночь перед рождеством» и «Нос». Уже в 1887 г. Словенская Матица издает отдельной книгой «Мёртвые души» в переводе Лавослава (наст. – Леопольд) Гореньца (1840–1886).

Журналы «Люблянски звон» (1881–1941) и «Дом ин свет» (1888–1944) были первыми полноценными литературными периодическими изданиями, выходившими на словенском языке, и внесли огромный вклад в развитие национальной литературы. Наряду с публикацией отдельных произведений самого Н. В. Гоголя, статей к различным датам из жизни писателя и т. д., по этим журналам можно проследить, каково было отношение словенцев к российскому гению, как оно изменялось с течением времени. Наиболее ценными в этом смысле представляются отдельные упоминания о Гоголе в работах, напрямую не связанных с его жизнью и деятельностью. Цель настоящего доклада – восстановить поэтический и духовный «портрет» Н. В. Гоголя, сложившийся у словенского народа в конце XIX – первой половине XX в. не без влияния вышеназванных журналов.

«Свой» / «чужой» в ранних повестях Гоголя (москаль, лях, жид)

В ранних повестях Гоголя явственно проступает оппозиция «свой» / «чужой». «Свой» – это казак (гоголевский «козак»), портрет которого собирается как из разрозненных высказываний, так и тщательно прописанных образов пана Данилы («Страшная месть») и Острицы («Гетьман»). «Чужой» – это цыган, еврей, лях, немец, москаль. Среди них лишь москаль никак не мифологизируется, в отличие от всех остальных. «Чужие» отличаются от «своих» не только внешностью и костюмом, но обычаями, языком и верой, т. е. их образы строятся на основе устойчивых этно-стереотипов.

Е. Ф. Фирсов

Н. В. Гоголь в восприятии Т. Г. Масарика

Вначале предполагается рассмотреть взгляды Масарика на украинский вопрос, опираясь на рукописные источники Литературного архива Музея национальной письменности в Праге. Источники восходят к периоду празднования 100-летнего юбилея Гоголя в России. Наиболее подробно Масарик охарактеризовал творчество Гоголя в 3-ем томе своего знаменитого труда «Россия и Европа» в специальной главе – «Н. В. Гоголь – социалист поневоле. Русская философия (и Гоголь)».

Труд Т. Г. Масарика – значительное интеллектуальное событие научной жизни своего времени. Основное внимание будет уделено общему методологическому подходу Масарика к харак-

теристике воззрений Гоголя, в том числе его определенным на-тяжкам по отношению к творчеству русского писателя, особенно касающимся не всегда обоснованного обвинения в так называемом обскурантизме.

В своем фундаментальном труде Масарик, как правило, применял литературоведческий подход. Считать основным источником познания социально-политического положения России и русского менталитета произведения ведущих русских писателей, как это делал Масарик (неоднократно подчеркивая это на страницах «России и Европы»), вряд ли было правомерным.

Творчество Гоголя, как и других известных русских писателей, оказало определенное влияние на формирование общей концепции определяющей платформы Масарика – так называемого реализма, которым он руководствовался длительное время в своей общественно-политической практике.

В докладе критикуются взгляды пражского профессора на «религиозный мистицизм» Гоголя, который якобы смыкается с так называемым цезарепапизмом, когда царь выступает реальным главой церкви. Религиозная проблема русской философии у Масарика приобретала форму двух общих антиномий: вера–знание, спиритуализм–материализм. Главной и необоснованной претензией Масарика к русскому православию было подчинение царизму и забвение социальной миссии. Гарантами самостоятельности русского православия Масарик считал религиозный и культурный традиционализм и слияние церкви с государством и национальной идеей.

«Тарас Бульба» в Польше

1. По библиографическим описаниям впервые «Тарас Бульба» вышел на польском языке во Львове в 1850 г. в переводе некоего Петра Гловацкого. Однако этого издания исследователям не удалось найти в польских библиотеках, а также в библиотеках Москвы и Львова. Лишь через полтора столетия повесть Гоголя вновь появилась на польском языке: в 2001 г. она была переведена Ежи Шотом и издана переводчиком за свой счёт в провинциальном Кросно. В 2002 г. повесть была опубликована варшавским издательством «Чытельник» в отличном переводе писателя Александра Земного с обширным послесловием известного польского историка Януша Тазбира, который предлагает «читать повесть Гоголя как своего рода сказку, в которой злая фея одарила поляков ролью злодеев».

2. Хотя повесть Гоголя долгое время не издавалась в Польше, она была известна польскому читателю. В XIX в. в школах русской части Польши было обязательным изучение русского языка, а повесть Гоголя в годы активной русификации Польши входила в список обязательного чтения. На польский же язык она не переводилась столь долгое время, поскольку расценивалась в польском обществе как полонофобская. По этой, в частности, причине польская молодёжь устроила антигоголевские манифестации в 1902 г., когда отмечалось 50-летие со дня смерти писателя.

3. Первый отклик в Польше на произведения Гоголя принадлежит известному прозаику и литературному критику консервативного лагеря Михаилу Грабовскому, который в 1846 г. в рецензии на два тома сочинений Гоголя высоко оценил ряд произведений писателя («Шинель», «Нос» и др.), но подверг резкой критике

«Тараса Бульбу» как «очень слабое сочинение», далекое от исторической истины.

4. В межвоенные годы в независимом польском государстве произведения Гоголя многократно издавались, ставились на сценах театров (большую роль в их переводах и популяризации сыграл Ю. Тувим) – за исключением «Тараса Бульбы». Большинство критиков, упоминавших о повести, по-прежнему расценивало её как проявление «ненависти к полякам».

5. В послевоенной Польше наиболее глубокую интерпретацию «Тараса Бульбы» дал Богдан Гальстер в своей монографии «Николай Гоголь» (1967). Исследователь впервые рассмотрел повесть Гоголя в контексте других рассказов сборника «Миргород» как неотъемлемое его звено и показал, что у Гоголя нет какой-то иррациональной ненависти к полякам, а есть стремление противопоставить патриархальный, «естественный» жизненный уклад – европейской цивилизации, преимущественно городской.

6. Многие польские исследователи отмечали влияние «Тараса Бульбы» на роман Г. Сенкевича «Огнём и мечом» о борьбе Речи Посполитой с украинским казачеством времён Б. Хмельницкого. Судьба «Тараса Бульбы» в Польше схожа с судьбой романа Г. Сенкевича «Огнём и мечом» в СССР. После 1917 г. этот роман Сенкевича в переводе на русский язык удалось издать лишь в годы «перестройки» (он вошёл в состав 9-томного собрания сочинений писателя, изданного в 1983–1985 гг.), преодолев сопротивление украинских политиков, считавших роман «антиукраинским».

К истории создания повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя

В сообщении рассматривается вопрос об одном из исторических источников повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» – «Описании Украины» французского инженера Гийома Левассера де Боплана, первое издание сочинения которого увидело свет в 1651 г.²⁷ Тема источников повести Гоголя давно обсуждается в отечественной литературе²⁸, хотя и в самой общей форме. Последний раз в отечественной науке она затрагивалась в книге А. А. Формозова «Классики русской литературы и историческая наука» (1995), где этому писателю посвящён специальный раздел под названием «Гоголь – преподаватель истории и автор “Тараса Бульбы”». Формозов отметил, что Гоголь даже упоминает в повести французского инженера²⁹, но не называет его по имени, а иногда говорит о нём во множественном числе.

К сожалению, в последних изданиях «Описания Украины» Боплана – как в киевском 1991 г., так и в московском 2004 г. – факт использования Гоголем этого сочинения вообще не отмечен. В первом – по общему невниманию к Гоголю, во втором – просто по незнанию. Между тем, характер использования этого источника достоин специального рассмотрения.

Как ни странно, судьбы украинско-русского писателя и французского описателя родины первого пересеклись в тот момент, когда Н. В. Гоголь приехал в Петербург – в 1833 г. За год

²⁷ Из-за отсутствия рукописи монографии А. А. Формозова, подробнее о которой см. ниже, трудно сказать, является ли указанная в ней дата первого издания сочинения Боплана (1630) корректорской или авторской ошибкой.

²⁸ Обзор работ Н. С. Тихонравова, В. И. Шенрока, И. М. Каманина см.: *Машинский С. И.* Историческая повесть Гоголя. С. 246–247.

²⁹ *Формозов А. А.* Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 75.

до этого Ф. Устрялов опубликовал полный перевод сочинения Боплана³⁰. Тогда же И. Срезневский издал, правда в Харькове, один из фрагментов «Описания»³¹. Думается, Гоголь, пораженный интересом столичных жителей России к Украине, не мог пройти мимо этого сочинения. Тем более, что он просил и своих родственников присылать ему всё, касающееся прошлого Украины.

Любопытно отношение Гоголя в бопланову «Описанию».

Прежде всего стоит обратиться к терминам, употреблённым Гоголем. Здесь нельзя обойти группу терминов, использование которых резко отличается от боплановых, – это этно-политико-географический термин Россия и прилагательное, образованное от него, – русский. Боплан употребляет термин Украина для обозначения страны. У Гоголя он варьируется с термином Россия. Как следует понимать этот термин? С нашей современной точки зрения он не приложим к украинской территории. Однако, исходя из терминологии средневековья и раннего нового времени, термин Россия в повести можно считать синонимом тогдашнего термина «Русь», каковым пользовались жители современной Белоруссии и Украины для обозначения себя самих и территории своего проживания. Боплан, строго следуя терминологии своего времени, прилагал термин Украина, которым он называл окраины Речи Посполитой, преимущественно к жителям Украины.

Кроме того, стоит уточнить время, к которому отнесено действие повести. А. А. Формозов указал широкие границы – 1590 г. (учреждение должности коронного гетмана Украины) – 1651 г. (осада Богданом Хмельницким крепости Дубно). Ссылки исследователя на другие хронологические указания писателя, в частности, о «тяжелом XV веке на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями,

³⁰ Описание Украины. Сочинение Боплана / Пер. с фр. яз. [Ф. Устрялова]. СПб., 1832.

³¹ Сказание Боплана о Кодайке / Сообщ. И. Срезневский // Запорожская старина. Ч. 1. Отд. III. Харьков, 1833. С. 138–140.

была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников», следует отнести, поскольку это лишь давняя драма, без понимания которой неясны истоки сложившейся к XVII в. ситуации: «Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городками мелких князей возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников».

Исходя из преимущественных хронологических привязок повести (см. о Киево-Могилянской академии, основанной в 1631 г.; о восстании Остряницы 1638 г.; о коронном гетмане Николае Потоцком, †1651 г.), а также из характеристики украинской политики польских королей³², можно сузить эти границы до 30–40-х гг. XVII в., хотя, казалось бы, некоторые слишком общие характеристики эпохи как время «схватки и битвы на Украине за унию» подтверждают вывод последнего исследователя, будто «Гоголь не стремился запечатлеть какой-то конкретный момент в истории Украины, реальных её героев, а хотел создать обобщающую картину борьбы казачества за веру и национальную независимость»³³. Однако думается, более узкие хронологические пределы повести, может быть ограниченные даже началом 30-х гг.³⁴, полностью соответствуют аналогичным пределам «Описания Украины» Боплана.

Гоголь очень хорошо представлял биографию Боплана, указав в повести, что «из **Неметчины** приехали французские инженеры». Действительно гугенот Боплан, увидевший свет около 1600 г., когда после Нантского эдикта Генриха IV на время утихли религиозные

³² «Короли польские, очутившиеся <...> вместо удельных князей властителями сих пространных земель, хотя отдаленными и слабыми, поняли значенье козаков и выгоды таковой бранной сторожевой жизни. Под их отдаленную власть гетьманы, избранные из среды самих же козаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округа».

³³ *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 75.

³⁴ В конце повести устами Янкеля сказано: «Теперь строят везде крепости».

войны во Франции, спустя 30 лет в 1632 г. вынужден был покинуть родину и отправиться из родного Дьеппа в Гданьск, прежний ганзейский город, основное население которого и после вхождения в Корону Польскую составляли немцы. Так что термин Неметчина может рассматриваться как точный и вполне уместный.

Знакомство с «Описанием Украины» этого французского инженера на польской службе повлияло на писателя в нескольких отношениях – прежде всего на сюжет повести, в центре которой – в соответствии и с собственными интересами Н. В. Гоголя – оказались украинско-польские религиозные отношения, и, во-вторых, на описание реалий. Что касается сюжета, то стоит отметить и усиленное внимание Гоголя к морским экспедициям запорожцев, действительно достигших в 30-е гг. XVII в. особого размаха, что явно навеяно «Описанием Украины». Подробное описание сооружения челнов имеет тот же источник, тем более, что в нём Боплан приложил чертежи. Представление о строительной деятельности автора этого сочинения дало Гоголю возможность придумать способ отправки Тараса в Варшаву.

Что касается реалий, то их огромное множество. Это и интерьер хаты, увешанной разного вида оружием и орудиями рыбной ловли и сельского хозяйства³⁵, и описание посуды³⁶, одежды, медицины времени Тараса Бульбы (в частности, способов лечения от ран³⁷), казачьего табора³⁸, суда и наказания за уголовные преступления³⁹. Даже сама характеристика степей повторяет термин Боплана – *desertes*, зафиксированный и в тексте и на

³⁵ «Сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами».

³⁶ «Бутыли и фляжки зеленого и синего стекла, позолоченные чарки всякой работы – венецейской, турецкой, черкесской».

³⁷ Медицина: «Размешайте заряд пороху в чарке сивухи, духом выпейте, и всё пройдет – не будет и лихорадки; а на рану, если она не слишком велика, приложите просто земли, замесивши её прежде слюною на ладони, то и присохнет рана». – Это точное переложение рассказа Боплана. Ср.: *Боплан Г. Л. де. Описание Украины*. М., 2004. С. 291.

³⁸ Там же. С. 157, 159, 243.

³⁹ Суд – за воровство – у позорного столба, Не платившего должника привязывали к пушке.

приложенной к нему карте: «Тогда весь юг <...> до самого Чёрного моря был девственной **пустынею**».

В повести имеются и прямые переложения «Описания Украины». Одно из них, как уже указывалось, касалось методов лечения ран, другое касалось описания казачьих талантов: «Современные иноземцы дивились тогда справедливо необыкновенным способностям его (войска. – А. Х.). Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу»⁴⁰.

Перед специалистами гоголеведами хотелось бы поставить вопрос, каким текстом «Описания Украины» пользовался Гоголь – оригинальным французским или русским переводом 1832 г. Не исключено, что именно русский перевод дал толчок для размышлений об этом периоде, тем более, что работа над повестью началась вскоре после издания перевода – в 1833–1834 гг. Однако наличие в санкт-петербургских библиотеках ряда экземпляров французского издания 1660 и 1661 г., принадлежавших А. С. Норову, академику Ф. И. Кругу, испещрённых пометами крайне внимательных читателей, может дать основание для того, чтобы заподозрить в одном из таких читателей Николая Васильевича Гоголя. Дать этой гипотезе подтверждение или отказаться от неё можно лишь после сопоставления пометок на книгах Боплана с пометами на книгах, принадлежавших украинско-русскому писателю.

В заключение необходимо, однако, подчеркнуть, что общий дух повести диаметрально противоположен «Описанию» Боплана. Последний, находясь на службе у польского короля, дал восторженную характеристику полякам⁴¹. Стиль изложения выдержан в толерантных тонах, даже по отношению к крымским татарам, совершавшим грабительские рейды на территорию Украины. Повесть Н. В. Гоголя пронизана антикатолическим, порой

⁴⁰ Боплан Г. Л. де. Описание Украины. С. 153, 155.

⁴¹ Боплан Г. Л. де. Описание Украины. С. 349.

антипольским, духом. Пожалуй, объяснение общей направленности повести следует искать, с одной стороны, в реалиях европейской политической жизни первой трети XIX в. – восстании 1831 г. и сложных взаимоотношениях Российской империи и Царства Польского и, с другой, в эволюции духовной жизни самого писателя, который на протяжении долгих лет работы над повестью, завершенной в конце 1840-х гг., явно склонялся к фанатичному православию. В связи с этим в повести исчезла магистральная идея его ранних раздумий о роли украинских казаков – спасителей Европы от турецкой агрессии. Эта тема лишь слегка затронута, будучи вытесненной другой – антикатолической и, соответственно, антипольской борьбой казачества.

Е. З. Цыбенко

Гоголь и польская литература (XIX в.)

«В Польше Гоголя давно знали и ценили, – пишет известная польская писательница Мария Домбровская. – Особенно обращает на себя внимание то, что его творчество относится к периоду, вовсе не благоприятствующему культурному сотрудничеству польского и русского народов. Но народы рознит только ничтожное и дурное, основанное на предрассудках, фальшивых представлениях и вытекающей отсюда взаимной несправедливости. Объединяет же их всегда то, что в них есть хорошего, умного, великого. А что может быть более великого в области культуры, чем творения гениального ума?.. Уже в XIX веке были критики, забытые и теперь как бы заново открываемые нашими исследователями, которые писали о гении Гоголя...»⁴².

⁴² *Dąbrowska M. Lira Karzająca // Nowa Kultura. 1952. Nr. 11.*

Произведения Гоголя стали известны в Польше с середины 1830-х гг.⁴³. Первые сведения о русском писателе появились в приложении к «Газете Львовской» за 1834 г. Более обширную информацию о Гоголе поместил в 1838 г. познаньский «Тыгодник Литерацки». Журнал «Денница» публикует первые в Польше переводы из Гоголя: «Театральный разъезд» и «Записки сумасшедшего». В том же 1843 г. в этом журнале появляется отклик (без подписи) на первое издание в России собрания произведений Гоголя. Автор рецензии пишет о Гоголе как о «подлинном сокровище и славе русской литературы».

В 1846 и 1848 гг. в Вильно издается комедия «Ревизор», в 1857 г. – переводы частей из «Майской ночи» и «Портрета».

Самая большая статья о Гоголе, появившаяся в Польше до 1863 г., принадлежит Яну Савиничу. Он особо отмечает, что «никто из русских писателей не проявил столько любви к народу, не пролил столько горьких слёз над его несчастьями и ошибками, как Гоголь. Его сатира – это страшная драма, сквозь смех в ней видны кровавые слёзы»⁴⁴.

Высоко ценил Гоголя Ю. И. Крашевский. Он считал, что Гоголь вместе с Бальзаком и Диккенсом начал новую эпоху в истории романа, эпоху обращения к действительности.

Произведения Гоголя оказали большое влияние на некоторых польских писателей, среди них прежде всего самый известный в то время Ю. И. Крашевский. Тема особого разговора – влияние поэмы Гоголя «Мёртвые души» на лучшее произведение Крашевского «Волшебный фонарь» (1842), первый в Польше социальный роман⁴⁵. Можно ещё упомянуть романы Юзефа Коженевского, роман «Записки инспектора складов» Антония Марцинковского (Варшава, 1858) и многие другие произведения польских авторов.

⁴³ Grzegorzczak P. Gogol w opinii polskiej // Przegląd Humanistyczny. 1959. Nr. 6.

⁴⁴ Krótka wiadomość o życiu i pismach Gogola // Księga Świata. 1860. S. 220.

⁴⁵ Żyga A. Kraszewski wobec literatury rosyjskiej // Slavia Orientalis. 1965. Nr. 1.

Таким образом, произведения Гоголя сыграли свою роль в литературном процессе Польши, особенно в период формирования социального романа.

Крашевский, многим обязанный Гоголю, можно сказать, как писатель, воспитанный в принципах и традициях творчества русского гения, оказался в центре внимания польских писателей-реалистов. В частности его высоко ценила Элиза Ожешко. «Как и всё моё поколение, – пишет она Крашевскому в 1872 г., – я училась по Вашим книгам читать, чувствовать, смотреть открытыми глазами на своё общество»⁴⁶. Ожешко и в дальнейшем неоднократно отзывалась о Крашевском как кумире писателей её поколения. «Все мы как ветви от дерева от него берём своё начало»⁴⁷, – пишет она в 1880 г. Представляется, что без восприятия опыта Гоголя Крашевский не получил бы такой высокой оценки.

Т. И. Чепелевская

Мотив сна в творчестве Н. В. Гоголя и И. Цанкара

Влияние русской литературы на творчество словенских писателей разных поколений не раз оказывалось в центре внимания исследователей. Оно рассматривалось и в плане изучения периодизации литературных связей и специфики их развития на разных этапах (Б. Крефт, М. И. Рыжова), и в ракурсе темпов их развития благодаря коммуникативной (И. В. Чуркина), популяризаторской и переводческой (М. И. Рыжова) деятельности. В раскрытии особенностей восприятия русской литературы в Словении, творчества

⁴⁶ Orzeszkowa E. Listy. T. 1. S. 3.

⁴⁷ Orzeszkowa E. Pisma krytyczno-literackie. Wrocław–Kraków, 1959. S. 213.

отдельных её представителей большую роль сыграли работы И. Приятеля, Б. Крефта, А. Сказы, М. И. Рыжовой, Т. Вирка и др.

В настоящем докладе будет предпринята попытка рассмотреть влияние творчества Н. В. Гоголя на словенскую литературу рубежа XIX–XX вв. и в первую очередь, на творчество И. Цанкара в плане интерпретации отдельных тем и мотивов. В центре внимания – мотив сна, который в структуре произведений русского и словенского писателей обретает функции некоего предостережения, предупреждения, а в рамках игровой поэтики (т. е. игрового принципа организации художественного текста) становится своеобразным кодом перемещения и превращения, т. е. перехода героев в новое состояние.

Н. В. Шведова

Гоголь и словацкий надреализм

Материалом для анализа в докладе служат типологические схождения между Петербургом Гоголя («Невский проспект», «Записки сумасшедшего», «Нос», «Портрет», «Шинель») и Прагой в поэме словацкого сюрреалиста В. Райсела «Нереальный город» (1943).

В истории литературных эпох нередки случаи, когда представители нового направления видят своих предшественников в отдаленных временах. Так, русский символист В. И. Иванов считал предтечей символизма Ф. Тютчева, а недостижимую вершину символистского творчества усматривал у Данте. Такой взгляд может быть и ретроспективным взглядом исследователя. В «Энциклопедическом словаре сюрреализма» А. Чагин отмечает, что «ещё в произведениях Н. Гоголя («Нос», «Иван Федорович Шпонька и его тётушка») впервые в русской литературе возникли образы, во многом предвосхитившие художественные открытия

сюрреализма XX в.»⁴⁸. Если в повести «Иван Федорович Шпонька...» (1832) сюрреалистическое начало явно просматривается в снах центрального персонажа о будущей жене, а основной сюжетный ход «Носа» (1836) – отделение носа майора Ковалёва и его превращение в высокопоставленного чиновника – столь же очевидно предвосхищает распадение мира на части и их самостоятельную жизнь у сюрреалистов, то в образе Петербурга, видимого и обманчивого, можно также распознать элементы сюрреальности. Причём это не только Петербург чиновников, офицеров и аристократов, но также и Петербург творческих личностей – художников Пискарёва и Чарткова. К ним близок характер рассказчика, поэта-романтика в душе. В повести «Невский проспект» (1835) рассказчик констатирует: «О, не верьте этому Невскому проспекту», – что относится, на наш взгляд, не столько к историям, поведанным в произведении, сколько к самой действительности столичного города, скрывающей в себе множество непостижимостей, фантасмагорий, алогизмов.

Казалось бы, Прага 30-х г. XX в. далека от Петербурга столетней давности, но оба города в художественной литературе окружены ореолом таинственности, непредсказуемости, фантастичности. Так возник, в частности, роман А. Белого «Петербург» (1922) – произведение уже символистское, в котором отзывается и Петербург Гоголя, и Петербург Достоевского. Не случайно «Преступление и наказание» стало в спектакле Ю. А. Завадского «Петербуржскими сновидениями», – подчеркнута ирреальность происходящего. Сны, как известно, были источником образности у сюрреалистов и прикасались к «истинному», не искаженному разумом. Прага, более древняя, чем Петербург, но вернувшая себе статус столицы лишь в 1918 г., также воспринималась писателями как город необычный.

⁴⁸ Энциклопедический словарь сюрреализма. М., 2007. С. 423.

А. Е. Бобраков-Тимошкин пишет о «пражском тексте» чешской литературы, что одной из его характеристик «как раз и является фантастичность, магичность, миражность Праги»⁴⁹.

В поэме сюрреалиста В. Райсела «Нереальный город», по праву считающейся вершиной словацкого сюрреализма (надреализма), Прага нигде не названа. Биографическая подоплёка поэмы помогает понять, что буквально вся образная ткань пропитана личными импульсами, переживаниями молодого поэта, но это отчасти и мешает восприятию произведения как автономного образного целого, не зависящего от событий жизни автора. Собственно, из них-то и возникает название Праги, а не некоего «нереального города» ожиданий, разочарований, надежд, любви и разлук. В Праге Райсел учился в университете, но политические события 1938–1939 гг. вынудили его уехать и завершить обучение в Братиславе. Влюбленный во французскую поэзию от Бодлера до современности, Райсел вряд ли думал о Гоголе и его Петербурге, создавая свою поэму. Но начитанный юноша из словацкой глубинки вряд ли мог пройти мимо Гоголя в гимназические годы.

Гоголя начали переводить на словацкий в 1868 г. Как и другие русские писатели, он неизбежно проходил через тогдашний «идеологический фильтр»: в Словакии хотели показать «положительные примеры» русской (в том числе и малороссийской) действительности, критика общественных отношений не приветствовалась, так как «подрывала» образ величественной России, защитницы и надежды угнетённых славянских народов. Ситуация начала радикально меняться как раз в годы Второй мировой войны, когда самым популярным русским автором становится Достоевский (но не забыт и Гоголь). В том же 1943 г., когда вышел «Нереальный город» Райсела, видный словацкий литературовед А. Матушка в статье «Несколько слов о Достоевском» писал,

⁴⁹ Бобраков-Тимошкин А. Е. Пражская фантастика в литературе Чехии конца XIX – начала XX века // Фантастика и сатира в литературе славянских народов. М, 2004. С. 27.

имея в виду «проскальзывание» через упомянутый фильтр: «Но Гоголю повезло, что его считали только и только юмористом, а его местами весьма подчеркнутую фантастичность – только личным чудачеством автора»⁵⁰. Исследователь пишет здесь и о «незамеченном» апокалиптическом начале у Гоголя, что в годы войны стало составной частью поэтики многих словацких сюрреалистов (поэма Р. Фабри «Я это кто-то другой», многие стихи Райсела и др.).

Сближение творчества Райсела с литературной традицией не означает ослабления сюрреалистической природы его произведения, хотя в нем справедливо видели и отступления от «канонов» направления (известная логичность сюжетной канвы, например). Словацкий надреализм программно основывался на «прогрессивных», как это определялось, национальных традициях, в частности, на творчестве великого словацкого романтика Я. Краля. С Гоголем его роднит, помимо фольклорной магической стихии, ощущение современного торгашеского мира как ада и христианское упование на нравственное очищение.

«Нереальность» Петербурга Гоголя и Праги Райсела проявляется в мире снов и видений, в значимости случайных и странных встреч на улицах города, в калейдоскопе впечатлений, сливающихся в фантасмагорическую картину, и т. п. Затерянность «маленького человека» в толпе, почти исчезновение его также рождает нереальность. У Гоголя в «Невском проспекте» важен мотив сна под воздействием опиума. Наркотики для сюрреалистов были способом проникновения в сюрреальность. У Райсела в поэме этого нет, но «опиумный сон» упомянут в программном стихотворении «Плакат», там же – сон «после дозы гашиша» (сб. «Я вижу все дни и ночи», 1939). В «Нереальном городе» лирический герой Райсела опьянён любовью, и все картины города опосредованы личностным переживанием. Мысли о бескрылом

⁵⁰ Цит. по: *Tesařová J.* Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939–1943) // *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996.* Bratislava, 1998. S. 73.

«рабском подражании» природе и творческой силе преобразования действительности, родственные и романтикам, и сюрреалистам, мы находим в повести Гоголя «Портрет» (1842).

Мотив сочувствия «униженным и оскорбленным» также прослеживается и у Гоголя (Пискарёв, Поприщин, Башмачкин), и у Райсела (жертва автокатастрофы, красавица без руки, слепые музыканты). Остро чувствовать несчастье других за внешними соображениями большого города – гуманистическая черта авторов.

В Петербурге Гоголя персонажи сходят с ума, кончают с собой, превращаются в призраков, по улицам гуляют части их тела. «Нереальный город» Райсела – «город поэтов и самоубийц», по которому герой ещё до знакомства наяву «ходил во сне», где в полночь наступает время «поэтов и блудниц» (сюжет «Невского проспекта»), где чарует «поэзия ночи», как и «непостижимый страх перед человечеством», – «исчезающий город // и наша любовь в нём», любовь, местами так похожая на грезы художника Пискарёва (хотя любящая женщина Эмилия существовала на самом деле). Так перекликаются творения великого русского прозаика и одного из ярчайших поэтов Словакии XX века.

С. А. Шерлаимова

К. Гавличек-Боровский – переводчик Гоголя на чешский язык и сатирик

Карел Гавличек-Боровский (1821–1856) – одна из самых ярких фигур эпохи чешского национального возрождения. Видный деятель революции 1848 г., основоположник новой чешской журналистики, он сыграл важную роль в развитии чешской общественной мысли и литературы, его можно назвать крупнейшим чешским поэтом-сатириком XIX в., новатором в области чешского

литературного языка. На формирование мировоззрения и творчества Гавличека большое влияние оказало его пребывание в России, изучение русского быта и фольклора (отчасти и украинского), знакомство с русской литературой. Т. Г. Масарик в своем труде «Россия и Европа» отметил, что из образованных чехов Гавличек первый по-настоящему узнал Россию.

Будучи приверженцем взглядов Яна Коллара на славянское единство, Гавличек по протекции П. Й. Шафарика познакомился с М. П. Погодиным и через Львов и Киев в 1843 г. прибыл в Москву, где стал воспитателем в семье С. П. Шевырёва. Гавличека восхитила необычность (по сравнению с Европой) и многокрасочность Москвы, он быстро совершенствовался в русском языке, читал книги из библиотек Шевырёва и Погодина. Гавличек отправил в Прагу очерк о первом экзамене по чешскому языку в Московском университете у О. М. Бодянского. Однако постепенно он расходится во взглядах с принявшей его славянофильской средой и с утопической концепцией Коллара, начинает видеть негативные стороны Российской империи и тогдашнего уклада русской жизни. Резко критическое отношение к России как государству не снижает, однако, его интереса к русской культуре. Гавличек не сумел по достоинству оценить Пушкина, отождествляя его с «враждебным литературе», по его мнению, Петербургом, но он сразу и навсегда принял Гоголя и уже в Москве начал переводить его произведения: «Нос», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (в его переводе – «Повесть о том, как поссорились пан Матоуш с паном Матеем»), «Старо-светские помещики» и др.

Первым переводчиком Гоголя на чешский язык был К. Ф. В. Зап, который перевел «Тараса Бульбу» (опубликована в 1839 г. в журнале «Кветы»). С Запом Гавличек познакомился во Львове и, возможно, Зап рекомендовал ему обратить внимание на Гоголя. Впоследствии Гавличек писал из Москвы Запу о своём увлечении этим русским писателем и советовал ему продолжить работу над переводом, так как Гоголь издал расширенный

и доработанный вариант повести. Не умаляя заслуг Запа в знакомстве чехов с Гоголем, следует признать, что Гавличек превзошёл его по отбору, количеству и качеству переводов. Уже по возвращении из России он перевёл «Мёртвые души», которые в 1849 г. печатал с продолжением в приложении к редактируемой им независимой газете «Народни новины».

Гавличек – писатель и публицист – прославился полемическими, необычайно живыми по стилю статьями по актуальной политической и историко-философской проблематике («Славянин и чех» и др.), остроумными эпиграммами и поэтическими произведениями крупного жанра «Тирольские элегии», «Король Лавра», «Крещение святого Владимира».

Можно проследить известное влияние Гоголя на сатирический почерк Гавличека, хотя эти два выдающихся писателя существенно различаются по своим человеческим характеристикам, участию в общественной жизни и мировоззрению, по отношению к политике, религии, мистике. Но есть в них и нечто общее: например, доверие к тому, что чехи называют «сельским разумом», а за смешным в их произведениях есть нотки горечи.

Из обширной литературы о К. Гавличеке-Боровском, в связи с интересующей нас темой, следует назвать хотя бы первую у нас книгу о чешском поэте А. М. Селищева «Взгляды Карела Гавличека на Россию. К истории славянских взаимоотношений в половине XIX века» (Казань, 1913). Из работ последнего времени – монографию швейцарской богемистки И. Черновой-Бюргер «“Obrazy z Rus” (1843–1846) Карела Гавличека–Боровского. Вопросы чешского и русского национального просвещения в первой половине 40-х годов XIX века» (Цюрих, 2005). Специально о переводах Гавличека из Гоголя писали чешские русисты И. Таборская, В. Влашинова, Б. Илек. Вместе с тем данную проблематику никак нельзя считать достаточно изученной, она представляет большой интерес в плане компаративистики и заслуживает дальнейшего пристального исследования.

Н. В. Гоголь и македонская литература

Интерес македонских писателей к Н. В. Гоголю возникает в Македонии сразу после освобождения страны (1945) и формирования республики Македония в рамках федеративной Югославии. Это объясняется тем, что русский писатель вошёл в культурное сознание македонцев ещё до войны. Его творчество изучали в школах и гимназиях (в сербских переводах). Кроме того, русская эмиграция, весьма активная в межвоенной Македонии, способствовала распространению здесь своей национальной культуры.

Поэтому во время рождения литературы на македонском языке и становления национального театра Н. В. Гоголь воспринимался как классик мировой литературы. Его «Ревизор» ставился на македонской сцене, а произведения переводились на молодой литературный язык и издавались.

Македонская литература, развивавшаяся до 1952 г. в рамках соцреализма, а затем погружившаяся в художественный эксперимент, не воспринимала Н. В. Гоголя как актуального писателя вплоть до 80-х гг. XX в. Тогда у ряда писателей, в частности, в романах Д. Солева «Заря за углом» (1984) и «Дублер» (1987) проявилось стремление обнаружить универсальные начала человеческой реальности в обыденной жизни с её бытом и повседневностью. В этом процессе Д. Солев, один из самых преданных поклонников в Македонии творчества Ф. М. Достоевского, обратился к творчеству его предшественника Гоголя. Наиболее значимым для него гоголевским произведением стали «Мёртвые души». Македонский писатель обращается к изображению особенностей национального быта и выводит в «Заре за углом» целую галерею национальных жизненных типов. Правда, в отличие от своего литературного предшественника, он не использует гротеска. Напротив, Солев поэтизирует «тину мелочей», изображает своих героев с мягким юмором.

Гоголевские мотивы в словацкой прозе

Литература Словакии, обладая неповторимой национальной самобытностью, на протяжении всего своего развития испытывала на себе влияние больших европейских литератур, и не в последнюю очередь – русской литературы.

Проблематика влияний и типологических схождений – при несовпадении отдельных исторических фаз и процессов – издавна привлекала внимание словацких исследователей. Рассматривается она и в работах современных литературоведов, таких как русисты А. Червеняк, С. Леснякова, известный теоретик-компаративист Д. Дюришин. Так, в одной из ранних работ Дюришина – монографии «Словацкий реалистический рассказ и Н. В. Гоголь» (1966) – проводится сравнительный анализ произведений словацких прозаиков (прежде всего – Я. Калинчака, М. Кукучина, Я. Есенского) и Н. В. Гоголя. Автор выявляет предпосылки и конкретные формы воздействия его творчества на словацкую прозу разных этапов, особенности переводов его произведений на словацкий язык.

Представляется весьма продуктивным проследить признаки влияния Гоголя (гоголевские мотивы) в творчестве словацких писателей реалистов конца XIX – начала XX вв.: М. Кукучина (рассказы «На ярмарку», «Рыжая тёлка», «Деревня ночью», «Когда умрёт дядюшка из Хохолева»), Й. Грегора-Тайовского («До конца», «Первые часы», «На воды»), Я. Есенского («Молодые обезьяны», «Актик, актик», «Страшилище»). Очевидны общие черты их художественного мира – народность («народоведение»), интерес к «маленькому человеку», гуманистический пафос. Заметны и схожие с творчеством Гоголя сюжетные приёмы и мотивы (например, мотив ярмарки, картёжной игры, ссоры соседей, безудержного хвастовства и пр.).

Гоголь на пограничье

В своих размышлениях о значении Н. В. Гоголя мы заведомо не хотим избегать сегодняшних новомодных культурологических трактовок. При этом одной из основных предпосылок для нас будет следующая: рецепция индивидуального творчества – это выражение специфики культуры в целом. Причиной раздумий такого рода о творчестве Гоголя послужил на первый взгляд незначительный факт: полное собрание сочинений Гоголя до сих пор ещё не вышло в свет. Фактически первое академическое издание – времён Советского Союза – неполно, обрезано по идеологическим соображениям. Интересно, что лишь 25 лет спустя после периода перестройки и гласности рождается новое издание. По нашему мнению (учитывающему также и субъективные факторы), причину можно видеть в специфике русской культуры. Получается своеобразный парадокс: с одной стороны, Гоголь – один из важнейших творцов, которому в развитии литературы принадлежит роль основателя целого направления, так называемой «гоголевской линии», из которой вышли выдающиеся творцы XIX и XX столетий, с другой же – вплоть до сегодняшнего дня не было осуществлено «идеологически» необремененного академического издания. Такая двойственность заставляет задуматься.

Перевод со словенского Ю. Созиной

Содержание

От организаторов конференции	3
<i>А. В. Амелина.</i> Н. В. Гоголь и чешская сатира межвоенного периода (Иржи Гауссманн)	5
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н. В. Гоголя	7
<i>Л. Н. Будагова.</i> Провозвестник славянского литературного авангарда	9
<i>Л. К. Гаврюшина.</i> Первый сербский перевод «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя: задачи автора и мнение критики	11
<i>И. А. Герчикова.</i> Н. В. Гоголь на чешской сцене	12
<i>М. Гюрчинов.</i> Образ Вия и его художественное воплощение у Н. В. Гоголя и Блаже Конеского (на материале русско-македонских литературных связей)	14
<i>М. Ю. Досталь.</i> Н. В. Гоголь и первые российские университетские слависты	15
<i>М. Н. Дробышева.</i> Комедия «Ревизор» Н. В. Гоголя в Сербии и Хорватии на рубеже XIX–XX веков (Гоголь на сценах Белграда и Загреба)	18
<i>А. Енстерле-Долежалова.</i> Влияние произведений Н. В. Гоголя на драматургию И. Цанкара (Перевод Ю. Созиной)	21
<i>Н. К. Жакова.</i> Духовные искания Н. В. Гоголя и их чешское восприятие	21
<i>И. И. Калиганов.</i> О рецепции Гоголя в Болгарии второй половины XIX–XX вв.	23

<i>Л. Капушевская-Дракулевская.</i> Н. В. Гоголь и македонский фантастический рассказ (Перевод М. Проскурниной)	25
<i>А. В. Колесник.</i> Н. В. Гоголь в современной Украине (Перевод А. Липатова)	27
<i>Л. Ф. Колесник.</i> Связь Н. Гоголя с украинской культурой (Перевод А. Липатова)	28
<i>Б. Косанович.</i> Н. В. Гоголь на сербской сцене	30
<i>Г. Кубишова.</i> Н. В. Гоголь и Й. Шкультеты	31
<i>А. Г. Кузнецова.</i> Н. В. Гоголь и Абрамцево	34
<i>Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская.</i> «Гоголевская молитва» в народных литературах восточных славян	36
<i>Л. П. Лаптева.</i> В. А. Францев о восприятии творчества Н. В. Гоголя чешской литературой XIX в.	37
<i>А. В. Липатов.</i> Универсальное и национальное: казус Гоголя	41
<i>Л. А. Мальцев.</i> Гомбрович и Гоголь: опыт сопоставления	45
<i>А. Г. Машкова.</i> Восприятие творчества Н. В. Гоголя в Словакии (до 1918 г.)	46
<i>С. Н. Мецзяков.</i> Н. В. Гоголь и М. Павич	48
<i>Р. Х. Миллер.</i> Встречи в земле «западных» славян: Гоголь в Вене в 1830-х гг.	49
<i>К. Михайлов.</i> Петко Славейков и Николай Гоголь – контекст понимания (о первом переводе «Мёртвых душ» в Болгарии XIX в.)	52
<i>В. Мойсова-Четишевская.</i> Читается ли (и как) Гоголь сегодня? (Перевод М. Смольяниновой)	53

<i>Ф. Молина-Морено.</i> Гоголевские русалки: воспоминания о «Майской ночи» в Полесье	54
<i>И. Р. Монахова.</i> Украинские и русские народные песни в жизни Н. В. Гоголя	57
<i>В. В. Мочалова.</i> Славянская тема у Гоголя	58
<i>С. Ф. Мусиенко.</i> Сатирический эффект Н. В. Гоголя в «Набросках углём» Г. Сенкевича	59
<i>С. В. Никольский.</i> Чешские писатели о русской литературе и творчестве Гоголя	61
<i>Б. Подлесник.</i> Гоголь и словенцы	62
<i>М. Б. Проскурнина.</i> Гоголевский гротеск в романах Влады Урошевича и Эрмиса Лафазановского	62
<i>Н. Радический.</i> «Вий» Гоголя и мифологические персонажи македонской народной и художественной литературы (Перевод М. Проскурниной)	65
<i>Д. Ристеский.</i> Творчество Н. В. Гоголя в македонской литературной и культурной среде	67
<i>Е. П. Серапионова.</i> Н. В. Гоголь в культурной жизни русских эмигрантов в Чехословакии в 1920–1930-е гг.	69
<i>М. Г. Смольянинова.</i> Н. В. Гоголь и болгарская литература эпохи возрождения	72
<i>Ю. А. Созина.</i> Гоголь на страницах словенских литературных журналов «Люблянски звон» и «Дом ин свет» (конец XIX – первая половина XX в.)	73
<i>Л. А. Софронова.</i> «Свой» / «чужой» в ранних повестях Гоголя (москаль, лях, жид)	75

<i>Е. Ф. Фирсов.</i> Н. В. Гоголь в восприятии Т. Г. Масарика	75
<i>В. А. Хорев.</i> «Тарас Бульба» в Польше	77
<i>А. Л. Хорошкевич.</i> К истории создания повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя	79
<i>Е. З. Цыбенко.</i> Гоголь и польская литература (XIX в.)	84
<i>Т. И. Чепелевская.</i> Мотив сна в творчестве Н. В. Гоголя и И. Цанкара	86
<i>Н. В. Шведова.</i> Гоголь и словацкий надреализм	87
<i>С. А. Шерлаимова.</i> К. Гавличек-Боровский – переводчик Гоголя на чешский язык и сатирик	91
<i>А. Г. Шешкен.</i> Н. В. Гоголь и македонская литература	94
<i>Л. Ф. Широкова.</i> Гоголевские мотивы в словацкой прозе	95
<i>М. Яворник.</i> Гоголь на пограничье (<i>Перевод Ю. Созиной</i>)	96